

ПИОНЕР



июль

Издательство „Правда“. 1947 г.

7

ИЮЛЬ
1947 г.Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

21 июня пионеры и школьники Москвы собрались на стадионе «Динамо», чтобы отметить окончание учебного года. Это был торжественный праздник. 35 тысяч ребят расположились на трибунах. Каждая школа, каждая пионерская дружина послали своих представителей.

Но вот фанфаристы возвестили о начале праздника. Командующий парадом — председатель совета дружины 273-й школы Женя Ковальчук — отдал рапорт секретарю Московского областного и Московского городского комитетов ВЛКСМ тов. Красавченко. Митинг начался.

После митинга состоялся парад пионеров. На верхнем снимке вы видите торжественный марш пионеров, внизу — юные моделисты демонстрируют зрителям свои модели.



«В. И. ЛЕНИН В РАЗЛИВЕ». 1917 год.

С картины А. Рылова.

У разлива

Юрий Яковлев

Поезда аукаются с ветром,
Пронесутся и замрут вдали.
Из-за камышей стального цвета
Выступает озеро
Разлив.
На траве
Росой покрыты тени.
Бродит ветер, по кустам шурша.
Тишина кругом...

Выходит Ленин

Из-под хвойной крыши шалаша.
И прикрыв ладонью,
Осторожно
Он огонь несёт к ветвям сухим,
Оживает медленно валёжник,
Поднимается лиловый дым.
Первая звезда
Зажглась в зените.
Опустила паруса заря.
За лесами ткёт бессонный Питер
Алые знамёна Октября.
А Ильич с волненьем шепчет:
— Скоро,
Дайте срок,

Мы выйдем на простор! —
И в огонь подбрасывает хворост,
И сильней, сильней горит костёр.
И уже через леса густые
Ясно слышат люди,
Как в ночи
У Разлива, в уголке России,
Сердце революции стучит...
Пионерский флаг
Колышет ветер,
Горн молчит,
И тихо, не дыша,
Мы стоим на этом самом месте,
Возле ленинского шалаша.
Здесь костёр
Дымился над Разливом,
Здесь деревья прежние шумят,
Здесь Ильич ходил нетерпеливо
Три десятилетия назад.
Мы не в силах удержать волнение.
Нам невольно кажется сейчас,
Что из частой рощи выйдет Ленин
И улыбкой светлой встретит нас.

МАРИНКА

Рассказ Н. Артюховой

Рис. А. Ермолаева



— А у нас новенький! — кричал Володя Жуков своим приятелям из четвёртого «Б». — Морозов Саша. Вот он рядом с Юркой стоит, видите? Его сегодня уже Николай Иванович спрашивал и пятерку по арифметике поставил.

Из-за спины широкоплечего, похожего на медвежонка Юры Борукаева потянулся за своей пубой худощавый мальчик в сером свитере. Он отошёл в сторонку, вынул из кармана перчатки и уронил на каменный пол раздаваки что-то маленькое, пушистое, белое с розовым.

Юра Борукаев вытянул шею:

— А ну-ка, Жук, выуди мне эту штуковину!

Маленький и вертлявый Володя Жуков послушно ринулся головой вперёд, в самую гущу ребят.

Борукаев едва не вскрикнул от изумления и негодования: в руках у Володи была всякая кукольная шапочка из розовой шерсти, с пушистым белым помпоном.

Мальчишка, четвероклассник, играющий в куклы, — невыносимо!

Юра надел розовую шапочку на свой кулак и нарисовал чернильным карандашом под шапкой презабавную рожицу. Выбежав на крыльцо, он увидел, что из соседней школы в другом конце двора цветастым веером выходят девочки. Что ж, чем больше публики, тем веселее представление!

Аля Якушина, Жень Зайцева и ещё несколько знакомых девочек замедлили шаг, с любопытством и опасением потягивая на ребят. Уж этот Юрка! Всегда что-нибудь придумает!

Саша Морозов спускался со ступенек крыльца.

Юра шёл за ним, повторяя каждое его движение.

Рука в розовой шапочке раскланивалась направо и налево, как петрушка, за сапной спиной. Иногда Юра, бесшумно ступая в мягких валенках, подходила вплотную, и казалось, что человек в розовой шапочке что-то говорит Саше по секрету то в одно ухо, то в другое.

Ребята шли за ним, давась от смеха, девочки немного поодаль.

Саша Морозов почувствовал недоброе и обернулся. Теперь хохотали все, уже не сдерживаясь, а петрушка раскланивалась с прежней любезностью.

Саша покраснел:

— Отдай! Это маринкина шапочка!

Но сказать Юре «Отдай!» — это ещё не значило получить.

— Отдай сейчас же! — Саша бросился к Юре.

Володя Жуков услужливо подставил ножку.

В следующее мгновение Саша и Юра, сцепившись тесным комком, уже катились по снегу прямо под ноги Николаю Ивановичу, выходящему из школы.

— Что за безобразие! — воскликнул тот. — Сейчас же прекратить драку! Да это мои, четвёртый «Б»! Борукаев! Встань сию минуту, тебе говорят! А кто другой? Новенький? Ты что же это, Морозов, в школе тихоня-тихой, а за дверь вышел — думаешь, всё можно делать?

— Николай Иванович, он не виноват, к нему Борукаев приставал! — вступилась Аля Якушина.

— Борукаев приставал! Что это у тебя? Кукла? С куклами в школу ходишь?

— У меня нет куклы, Николай Иванович. у меня рука. Видите? Это Морозов играет в куклы.

Саша Морозов вспыхнул:

— Это маринкина шапочка, он у меня взял. Николай Иванович, велите ему отдать!

— А кто такая Маринка? — спросил Николай Иванович, передавая шапочку Саше.

Саша широко улыбнулся:

— Это моя племянница!

Таинственная Маринка заинтересовала всех, в особенности девочек.

— Почему она такая маленькая? — спрашивала Сашу длинноногая Соня Смирнова.

— А почему ты такая большая?

— Ты любишь свою племянницу? — спросила Аля Якушина.

— Очень люблю.

Саша пошёл быстрее, девочки стали отставать.

— Куда ты торопишься? — крикнула Жень Зайцева.

Саша обернулся:

— Маринка проголодалась!

Девочки шли по бульвару, кричали и спорили.

— Она новорожденная, совсем трудная, — говорила Соня.

— Не может быть! — кричала Женя Зайцева. — У меня у самой брат новорожденный, так ему эта шапочка на нос годится!

— Она карлица, — сказала Аля Якушина, — уж я-то знаю!

— Карлица?!

— Уж я-то, девочки, знаю! Я с ними в соседнем доме... через двор... их квартира напротив...

Все повернулись к ней.

Юра Борукаев и Володя Жуков шли по крайней дорожке, делая вид, что не обращают внимания, но с интересом прислушивались к разговору.

— Ты её видела?

— Я-то не видела, мне наши девочки рассказывали... Они, Морозовы, на той неделе к нам переехали... Эвакуированы были, а теперь назад... с чемоданами... и кого-то маленького в одеяле по лестнице пронесли.

— Очень маленькая?... Аля? Очень малюсенькая?

— Не знаю. Она вечером. Темно было, ничего не видать.

С этого дня у Юры Борукаева прибавилось новое замечание по дисциплине, а Саша Морозов получил прозвище «маринкин дядя».

В субботу Саша попросил у Юры:

— Послушай, Борукаев, у меня нет учебника истории. Дай мне на воскресенье, а в понедельник я тебе принесу.

— Принесешь, маринкин дядя, не надуешь?

В понедельник Саша в школу не пришёл и учебника не принёс. Правда, следующий урок истории был в среду. Но вдруг этот маринкин дядя снова куда-нибудь уедет вместе с учебником? После школы Юра отправился вручать свою книгу. Он знал огромный серый дом, из ворот которого каждое утро выбегала Аля Якушина.

Юра вошёл во двор. На ступеньках около двери сидел небольшой мальчишка хмурого вида и, завернув чулок, разглядывал садину на колене.

— Скажи мне, раненый боец, — обратился к нему Юра, — где тут у вас живут Морозовы?

— Это которые недавно переехали?

— Да, да.

— Это у которых девчонка маленькая?

— Вот, вот, — оживился Юра.

— Второй этаж. Восьмая квартира.

Юра стал подыматься по лестнице, а мальчуган снова принялся разглядывать свою коленку, видимо, не зная, зареввет ли ему и бежать к маме или продолжать прогулку. Дверь открыл Саша Морозов.

— Ах, это ты! — сказал он приветливо. — Ты за историей? Извини, что я тебя надул. Сегодня соседка уходила, не с кем было оставить Верочку.

«Какую Верочку? — подумал Юра. — Ведь у него Маринка, а не Верочка».

— Мальчики, — посыпался тоненький го-

лосок, — не шумите в передней: Маринка спит.

— Зайди в комнату, сюда, направо, — понижая голос, сказал Саша, — я сейчас приду.

Он бросился в кухню, где что-то шипело и пахло жареным.

Юра нерешительно вошёл в полуоткрытую дверь.

В комнате почти не было мебели. Налево от двери стояли сундук и несколько приставленных к нему чемоданов, прикрытых сверху пледом. Направо, из-за ширмы, высывалась походная «раскидашка». Единственный стол притиснут куда-то в угол. У самого окна, освещённая бледным зимним солнцем, стояла детская кровать с опущенной сеткой.

Казалось, что все вещи в комнате стоят временно, случайно, что потом будет не так. Только уютная белая кроватка у окна поставлена заботливо и надолго.

В кровати, высоко на пухлых подушках, лежала девочка лет пяти, с беленьким лицом и серьбёнными глазами.

«Таких не бывает, — подумал Юра, — тоненькая, точно нарисованная».

— Здравствуй, мальчик, — сказала она, — как тебя зовут?

— Юра.

— А меня Верочка. Садись, поиграй со мной.

Юра опасливо сел на стул, подальше от кровати.

Он считал, что все девочки, в особенности маленькие, — пискухи, ябеды и плаксы. Эта была приветливая и тихая.

— Ты что, хворашь? — спросил он.

— Нет.

— Почему же ты лежишь?

— Я всегда лежу, — ответила она своим спокойным голосом. — У меня ножки не ходят. Это у меня с детства.

Юра невольно посмотрел на тоненькие ноги, чуть приподнимавшие одеяло.

— Это от бомбы. В наш дом бомба попала,



и всю меня засыпало. Даже не сразу нашла, — прибавила она с гордостью.

— Ты это помнишь?

— Нет, не помню, — она снисходительно усмехнулась, — маленькая была. Это ещё давно, ещё в самом начале войны.

На одеяле лежали знакомая маленькая шапочка и маленький игрушечный будильник.

— Уже половина девятого! — тревожно сказала девочка, взглянув на часы. — Маринке пора вставать! Экая соня! Юра, разбуди её, пожалуйста, только не испугай, и приведи ко мне. Ах да, ты не знаешь, она спит за ширмой, на маминой кровати.

Юра шагнул за ширму, ища глазами загоднюю Маринку. Там лежала кукла, раздетая, прикрытая маленьким одеяльцем. Рядом с ней аккуратно сложенные платице, трусики и лифчик.

— Тебе куклу твою принести? — спросил Юра.

— Не куклу, а дочку, — поправила Верочка.

— Ну да, вот эту, с закрывающимися глазами?

— Дочка у меня только одна. Веди её сюда. А если глаза у неё не откроются, стукни её по затылочку, только не больно.

Юра неловкими, мужскими руками взял дочку поверх живота и положил её Верочке на одеяло.

— Вот её одёжки, — сказал он, — а уж по затылочку ты сама стукай: я «не больно» стукать не умею.

— Эх ты! — сказала Верочка. — Неопытный! Разве так детей носят? Ведь она же маленькая. Ей три года.

На вид Маринка была гораздо старше своего возраста. Её когда-то пышные волосы торчали редкими жёлтыми пучками, цвет лица был землистый и нездоровый. На правой руке нехватало двух пальцев.

Верочка надела ей трусики и лифчик. Потом, утомлённая, откинулась на подушку и доверчиво посмотрела на Юру:

— Надень ей платице, Юра. Оно очень трудно надевается.

Юра густо покраснел, покосился на дверь и стал быстро напяливать платье, выворачивая кукле руки.

— Не так, не так, — говорила Верочка, — ты руки сначала, а потом голозу. Вот. Теперь застёгни.

— Ну и кукла у тебя, — проворчал Юра, — прямо сложный механизм какой-то. Того и гляди не тот винтик отвинтишь!

— У неё не винтики, а пуговицы, — кротко возразила Верочка. — И ты их не крути, а то оторвёшь. Вот и оторвал. Ничего, ты возьми иголочку и нитку, вот там, в ящике.

— Что-о! — воскликнул Юра. — Чтобы я ей пуговицы пришивал! Да я никогда в жизни иголки в руки не брал и не знаю, как это делается!

В комнату вошёл Саша, держа в руках тарелку с супом:

— Маринка встала? Очень хорошо, сейчас она будет есть суп.

— Она не хочет.

— Нет, она хочет. А если не хочет, уговори её. Ты — мать.

— Пять ложек, — сказала Верочка.

— Десять!

— Нет, пять.

— Ну хорошо, четырнадцать, — сказал Саша.

— Ну, уж так и быть, четырнадцать.

Каждую ложку Саша подносил сначала к губам Маринки, потом давал Верочке.

— А это что-то очень уж много — четырнадцать! — страдальчески сказала девочка на девятой ложке.

— Ешь, Маринка, с хлебом ешь, поправляйся! — настаивал Саша.

Маринку кормили до тех пор, пока Верочка не проговорила с отчаянием:

— Она не может больше, её стошнит!

Саша уступил:

— Ну хорошо. Теперь ей спать нужно.

— Она только что спала, Саша.

Саша взяла кукольный будильник и быстро перевёл стрелку.

— Они отстанут. Уже три часа. После обеда детям нужно спать. Только, Верочка, возьми её к себе, а то ей за ширмой скучно. И сама лежи тихо. Вот так. И ты закрой глаза. Маринка уже спит. Тише. Не шевелись.

Верочка обняла куклу тоненькой ручонкой и послушно закрыла глаза.

Саша заслонил её от света и подошёл к полке с книгами.

— Вот тебе учебник. Большое спасибо. Пожди, вместе выйдем, — он быстро оделся и загаянул в кухню.

— Анна Семёновна, — сказал он рыжей толстухе, хлопотавшей около печки, — я сбегаю в булочную, послушайте, пожалуйста, Верочку, она спит.

— Хорошо, хорошо, — отвечала та.

— Что она, эта толстая, Верочку не обижает, когда ты уходишь? — спросил Юра.

— Зацем, она добрая. Нашу Верочку все любят.

Мальчики вышли во двор и остановились у ворот.

— Саша, она такая и останется? — сказал вдруг Юра славенным голосом.

Саша нахмурился и завертел верёвочную сетку:

— Не знаю. Мы для того и в Москву вернулись, чтобы её лечить.

Её уже разные профессора смотрели... Ведь три года прошло...

— А вы с кем, с мамой приехали?

— С мамой.

— А отец у тебя есть?

— Папа на фронте.

— Вот и мой тоже... — Юра прибавил: — Ну да ничего, теперь война скоро уже кончится.

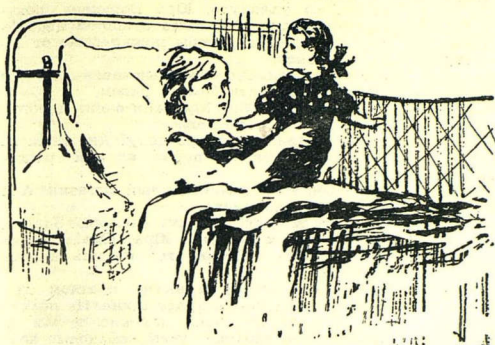
Саша вздохнул.

— Тебе сюда, Юра? А мне направо. Приходи, — он тряхнул Юру за руку и побежал в переулок.

На другой день в школе, когда Володя Жуков назвал Сашу «маринкиным дядей», Юра сказал сурово:

— Брось. Надоело, — и повернулся к Саше: — Морозов, ты, кажется, один на парте сидишь? Ничего не имеешь против, если я к тебе перейду? Мне этот Жук все уши прожужжал.

— Садись, я очень рад, — ответил Саша.



Обиженный Володя Жуков вскочил на парту и закричал:

— Слышали новость? Юрка Борукаев женится на карлице, на морозовской племяннице! Вон они рядом сидят, будущие родственнички! Маринкин дядя и маринкин жених!

Володя немедленно раскаялся в своих словах: характер у Юры Борукаева был вспыльчивый, а «стукать не больно», как нам уже известно, он не умел.

—О—

В конце четверти Саша опять пропустил два дня.

— Ребята,— сказал Николай Иванович,— кто знает адрес Саши Морозова и может узнать, почему он не ходит в школу?

Маленький мальчик на передней парте уже начал краснеть и поднимать руку, но Борукаев быстро сказал:

— Николай Иваныч! Я пойду.

Соседка открыла дверь и исчезла в кухне. Юра постучал в комнату Морозовых, ответа не было. Он постучал ещё, потом приоткрыл дверь и остановился поражённый.

Верочкина кровать, пустая и аккуратно постланная, стояла на прежнем месте. Саша сидел в углу и плакал, положив на стол голову и локти.

Юра посмотрел на сундук, заглянул за ширму.

Верочки не было.

Юре стало страшно. Ему захотелось уйти и ни о чём не спрашивать.

Наконец, он собрался с духом и подошёл к столу. Он чуть не споткнулся о половую щётку. Кучка мусора на полу захрустела у него под ногами.

— Саша, ты о чём?

Саша вздрогнул, вскочил со стула и, прикрывая рукой лицо, отошёл в проход, между стеной и ширмой.

— Что у вас случилось? Где Верочка?

— Она... в больнице.

— Что с ней?

— Ей... делали... операцию...

Саша говорил с трудом и останавливался после каждого слова.

— Ну и что?

— Доктор... говорит... что она... будет ходить!

— Саша, я не понимаю, ведь это же хорошо, ведь это замечательно! Саша молчал и раскачивал рукой ширму.

— Да расскажи толком, что случилось? — резко сказал Юра.

— Маму... отпустили со службы... поехала за Верочкой... скоро привезёт... а я... стал прибирать комнату... и... разбил Маринку!

Саша исчез за ширмой, заскрипела складная кровать. Юра сердито прошёлся по комнате.

— Совсем разбил? Склеить нельзя?

Судорожно поскрипывала складная кровать, тряслась ширма. И больше — ни звука. Повидимому, Саша спрятал голову под подушку.

Юра опять наступил на кучку белого мусора и понял, что склеить нельзя.

На столе он нашёл безголовое маринкино туловище, пучок волос и кусок голубого глаза.

— Сашка, брось! — сказал он. — Мы купим новую кукулу.

Саша заговорил, уже не сдерживая рыдания:

— Ты... не знаешь Верочку!.. Она — только одну!.. Других не хотела. Она её как ребёнка... Без Маринки ни есть, ни пить, ни спать! Как придет, спросит: «Где Маринка?» Она и в больнице без неё скучала!.. Она заболела!..

— Глупусти! — крикнул Юра. — Теперь она будет ходить, как другие ребята, она забудет про кукулу.

— Так ведь это же не сразу... Ей ещё долго лежать... Постепенно... Доктор сказал: не волновать!..

— Саша, а если к этому туловищу новую головку приделать?

— Она заметит... Ведь у Маринки и волосы были лысые и нос облушенный.

Юра подумал с минутой:

— Заметит... ещё бы не заметила!.. Другого такого экземпляра... Сашка, постой, а мы ей скажем, что Маринка тоже была в больнице и очень поправилась. После операции такая стала.

Саша тоже помолчал, потом спросил уже другим голосом:

— А где они продаются?

— Иди сюда, садись, поговорим.

Саша стал сморкаться:

— Сейчас.

— Выходи, не буду я на тебя смотреть, очень ты мне нужен!

— Ну, я сейчас...

Саша вышел из-за ширмы и сел на сундук, спиной к Юре.

— У меня и денег нет...

— У меня есть! — Юра похлопал себя по карману. — Идём.

— Юра, я не могу уйти, ведь они скоро придут...

— Хорошо, оставайся, приberi тут всё, умойся холодной водой и жди меня... Туловище спрячь, я его не возьму... дай мне эту розовую шапочку, чтобы не ошибиться, не купишь какую-нибудь великанскую голову... А если они придут раньше, скажи, что Маринка ещё из больницы не вернулась! Я в два счёта. Не унывай, Сашка!

— О —

— Скажите, пожалуйста, кукольные головки у вас есть?

— Нет, — скучным голосом ответила продавщица.

— А где их можно достать?

— Не знаю.

Юра вздохнула. Это был четвёртый игрушечный магазин.

— А целые куклы с закрывающимися глазами?

— Да нет же, мальчик. Видишь, только матерчатые есть!

Юра стоял у прилавка и с ненавистью разглядывал нарядных, улыбающихся кукол. И кому они нужны — бесполезные, с нарисованными глазами и противными, приплюснутыми носиками? Ещё разные собачки и зайчики торчат в каждом магазине. Так и расхвыврал бы этих зайцев!

Он выбежал на улицу. Куда идти? Направо?.. Налево?..

— О —

Аля Якушина покупала линейки и выбирала точилку для карандашей.

Дверь магазина распахнулась, Юра Борукаев ворвался с пылающим лицом и бросился в игрушечное отделение:

— С закрывающимися!.. То есть... Вы можете? То есть скажите, где можно купить куклу с закрывающимися глазами?

Повидимому, он так часто повторял эту фразу, что уже стал заговариваться.

Продавщица ответила ему что-то, Юра растерянно посмотрел на куклу, повернулся к двери и встретился глазами с Алей.

Аля съёжилась, стараясь стать совсем незаметной.

— Стой, Аля! Тебя-то мне и нужно!

У Юры был какой-то дикий взгляд. Аля отступила на несколько шагов.

— Аля, ты девчонка! Ты должна знать! Где можно купить большую, очень большую куклу с закрывающимися глазами? Только быстро!

— Н-не знаю, — ответила Аля, — перед войной сколько хочешь было, а теперь не делают.

— Ну всё-таки, где-нибудь?

Аля задумалась:

— Юрка, постой! В комиссионном магазине... я же видела!.. Давно это было, наверно, уж продали. Там ещё, Юра, пупсик был целлюлозный, с кроваткой, до чего ж хорошенький! С приданым... распашоночки!.. Купи лучше пупсика.

— К чорту пупсика! — крикнул Юра. — Где магазин?

— Недалеко. Знаешь, на углу...

— Никакого я угла не знаю. Веди меня, Аля, и не вздумай улизнуть, показывай, где магазин.

Никакая сила не могла бы теперь заставить Алю улизнуть. Юра Борукаев, покупающий куклу, — это было слишком необыкновенное зрелище, чтобы можно было от него отказать.

Юра делал такие огромные шаги, что Аля приходилось почти бежать рядом.

— Только знаешь, Юра, они очень дорого... Я не знаю сколько, но...

— Кто спрашивает про цену? Дирекция не останавливается ни перед какими расходами!

Они вошли в комиссионный магазин. Аля бросилась к прилавку:

— Нет их уже! Вот тут стояли... Значит, продали!.. Как досадно. Юра, Юра! Пупсик остался! Юра, смотри, ты можешь купить пупсика!

Юра снял шапку и вытер платком лоб. Медленно подошёл к продавщице. На полках и за стеклом прилавка дамские туфли на французском каблучке, часы, шелковые кофточки и чашки с голубыми цветочками...

— Скажите, — спросил Юра солидно, — у вас продавалась кукла с закрывающимися глазами? Вот эта девочка видела.

Продавщица оглянулась на кровать с пупсиком:

— Нет её. Они рядом лежали. Значит, про-



дачи. Если хочешь, мальчик, возьми пупсика. Показать?

Юра махнула рукой:

— Не нужно.

Другая продавщица, заинтересовавшись необычными покупателями, подошла и спросила:

— Что они хотели купить?

— Куклу с закрывающимися глазами. Не видно её что-то. Должно быть, без меня продали.

— Да вот же она лежит!

— А я и не заметила. Мальчик! Мальчик! Желтоволосая кукла щёлкнула над прилавком голубыми глазами. Юра споткнулся о коврик около двери, подбежал к продавщице и лихорадочно спросил:

— Сколько стоит?

Он вытащил из кармана маринкину шапочку, примерил кукле.

— Точно..

Эта кукла казалась маринкиной младшей сестрой, пожалуй, даже дочерью, если не внучкой.

— Сколько?

Услышав цену, Юра крикнула и положил куклу на прилавок.

— Я сейчас схожу за деньгами, у меня нехватает, отложите мне её.

Продавщица ответила равнодушно:

— Принесёшь деньги и возмёшь.

— Аляка, останься здесь, держи её, прямо из рук не выпускай! Я очень быстро!

Но не выпустить из рук было невозможно. Продавщица преспокойно взяла куклу и поставила её за собой на полку, прислонив к дамской меховой шубе. Весёлая куклолка в розовом платье казалась особенно красивой рядом с чёрным мехом.

— О —

Копилка с глухой кошкой мордой. Щель узкая. Деньги не вытряхиваются. Юра с сердцем стукнул копилку о стол.

Бабушка, задремавшая было в кресле, вздрогнула:

— Юрочка, ты что?

Юра поспешно пересчитал деньги. Положил в карман, подошёл к бабушке.

— Бабушка! — сказал он. — Через неделю моё рождение, папа написал, что посылает мне деньги... мне не нужно никаких подарков, дай мне сейчас двадцать два рубля двенадцать копеек!

— Зачем тебе деньги, Юрочка? Или ты фотоаппарат нашёл?

— Отставить фотоаппарат! У девочки ноги большие... кукла без головы... потом раскажу! Бабушка, дело идёт о жизни и смерти. Бабушка искала в кошёлке.

— У меня только тридцатки, Юрочка!..

— Сдачи принесу! — крикнул Юра, зажал в кулаке деньги и бросился к двери.

— О —

Уже по растерянному лицу Аля Юра понял, что в его отсутствие случилось что-то непоправимое. Куклы не было на полке. Она лежала на прилавке рядом с целулоидным пупсиком и пупсиковой кроваткой. Что-то ещё было нависло над полками — шёлковое и меховое. Перед прилавком стоял плотный,

небольшого роста лейтенант с сильно загоревшим лицом и разглаживал игрушки, видимо, затрудняясь, какую выбрать. Из-под распахнутой шинели (долго, должно быть, выбирал, жарко ему стало) виднелось такое количество орденов, что даже взрослого человека невольно охватывало любопытство пересчитать: да сколько же именно?

Но Юра не смотрел на ордена. Он отстранил от прилавка Алю, яростно сказал: — Эх, ты! — и положил руку на куклу.

— Эта кукла продана! — сказал он самым своим решительным голосом. — Вот деньги. Но лейтенанту, видимо, тоже понравилась именно эта кукла с закрывающимися глазами.

— Па-азвольте, молодой человек, — сказал он раскатыстым басом, — эта кукла не продана, она продаётся. И покупаю её я.

— Товарищ лейтенант! — воскликнул Юра. — Возьмите пупсика. Я вас прошу! Возьмите пупсика! Ведь вам всё равно! Вы посмотрите, у него распахноты есть! И кровать и всё приданое! Посмотрите, какой он хорошенький! Ну вот спросите девочку, что интереснее? Аляка, что же ты молчишь! Ведь вам всё равно! А мне именно вот эту с закрывающимися глазами... Сейчас привезут из больницы ребёнка... ноги больные... нервное потрясение... доктор сказал не волновать... разбили голову... Вы понимаете? — и повторил, как бабушка: — Товарищ лейтенант! Дело идёт о жизни и смерти!

Лейтенант растерянно посмотрел на Юру и взволнованное лицо, потом на продавщицу.

— Сколько лет вашей дочке? — спросила та.

— Три года.

— И вы хотите покупать ей эту бьющуюся?! — ахнул Юра. — Товарищ лейтенант, она погибнет в первый же день. Вместо радости будет сплошное огорчение: и глаза выскочат, и всё — начисто! Уж я-то знаю, как это делается! Один мусор на полу — и крышка!

— Возьмите пупсика! — робко пискнула Аля. — Смотрите, какой он хорошенький! — она положила пупсика на кровать и прикрыла одеяльцем.

— Для трёх лет я тоже посоветовала бы вам взять пупсика, — поддержала продавщица.

Лейтенант посмотрел на вытаращенные глаза пупсика и ещё раз щёлкнул кукольными закрывающимися.

— Ладно, — сказал он. — Забирай свою красавицу, а я возьму пупсика.

Юра бросился к кассе, заплатил деньги, схватил куклу, надел ей розовую маринкину шапочку и выбежал из магазина. Аля поспешила за ним.

Выйдя за дверь, Юра сунул в карман оставшиеся деньги, зажал куклу между колен и с видом тигра, разрывающего добычу, обеими руками потянул куклу за голову.

Что то лязгнуло, хрустнуло, выскочила какая-то закрученная проволока. Голова в розовой шапочке осталась в руках у Юры.

Аля Якушина охнула и, зажмурившись, села прямо на тротуар.

Юра деловито поковырял пальцем в дырке, щёлкнул резинкой.

— Ага. Понятно... На,— сказал он Але, сунув ей в руки обезглавленную куклу.— Бери, может быть, пригодится в хозяйстве!

Из двери магазина вышел лейтенант с большим пакетом подмышкой.

Аля вставала, отряхивая шубку от снега. Лейтенант сочувственно посмотрел на куклу.

— Уже разбили? — сказал он.— Действительно, непрочная игрушка! — и поразился, что купил пупсика.

—О—

Звонок!..

Мальчики вздрогнули, как преступники, застигнутые на месте преступления, и подняли головы от стола.

— Они! — сказал Саша.

У него сразу осунулось лицо, глаза стали жалкими.

— Я открою...

— Брось! — Юра остановил его за плечо.— Пускай ваша толстуха откроем. Дай какую-нибудь ленточку, мы завяжем кругом шеи... потом приделаем получше.

У Саши не слушались руки, он не мог завязать бант.

— Завязывай скорее! — шипел Юра.— Я бы сам завязал, да не умею я бантом... ленточки ваши!..

Стукнула дверь.

В передней раздался знакомый тоненький голосок:

— Здравствуйте! Вот и мы!.. А где Маринка?

Мама вошла в комнату, неся Верочку на руках.

— Маринка! Мы с тобой скоро ходить будем! Где она?

— Вот она! Посмотри, Верочка, Маринка тоже была у доктора, и как он её хорошо вылечил! Она очень хорошо кушала, посмотри, какие щёчки румяные!

Саша говорил весёлым голосом, Юра делал маме выразительные знаки.

Верочка, откинувшись на подушки, разглядывала куклу. Её лицо было серьёзно и строго. Она провела рукой по волосам куклы, недоверчиво потрогала щёки. Потом подняла правую руку с отбитыми пальцами. Двух пальцев нет... И ноги болтаются, как прежде...

Верочка пощупала знакомое платьице, туфельки... Потом снова, почти с ужасом, посмотрела на изменившееся лицо.

— Она там в больнице выпалась хорошо,— подскочила Юра,— теперь просыпается без подзатыльников!

— Смотри-ка,— Саша взял куклу.— Маринка, проснись! — он поднял куклу. Она открыла глаза.

— Вот так здорово! — хохотал Юра.— Сама проснулась!

Верочка засмеялась тонким смехом и обняла куклу:

— Маринка, как ты поправилась!

Потом потрогала отбитые пальчики:

— Хорошо бы ей ручки и ножки подевать... — прибавила она нерешительно и посмотрела на всех: на маму, на Сашу и на Юру.

— Вылечим! — подтвердил Юра и завертелся по комнате на одной ноге.

—О—

Аля Якушина подходила к школе раньше всех. Она остановилась около двери и держала с растерянным видом туго набитый портфель. Увидела у ворот Сою Смирнову, кинулась к ней:

— Соня! Иди сюда! Слушай секрет!

Соня заранее вытаращила глаза и приговаривала ахать.

— Юрка Борукаев, — шептала Аля, — вчера купил куклу с закрывающимися, жутко дорого, в комиссионном, надел ей розовую шапочку, ну, морозовскую, ту самую, вышел из магазина, голову ей оторвал, а её саму мне дал. Честное пионерское... Смотри!

Приоткрыл портфель, Аля дала Соне заглянуть внутрь.

— И теперь я не знаю, что делать... Выбрасывать — жалко, а без головы — зачем она мне?

— Аля, послушай, — раздался над головами девочек таинственный шепот.

Аля и Соня отпрянули в сторону и завизжали так, что проходивший мимо Николай Иванович строго сказал:

— Борукаев, я тебя отправлю к директору.

— Николай Иванович, за что? Ведь они сами визжат, ведь я же их не трогал! — смиренно возразил Юра.

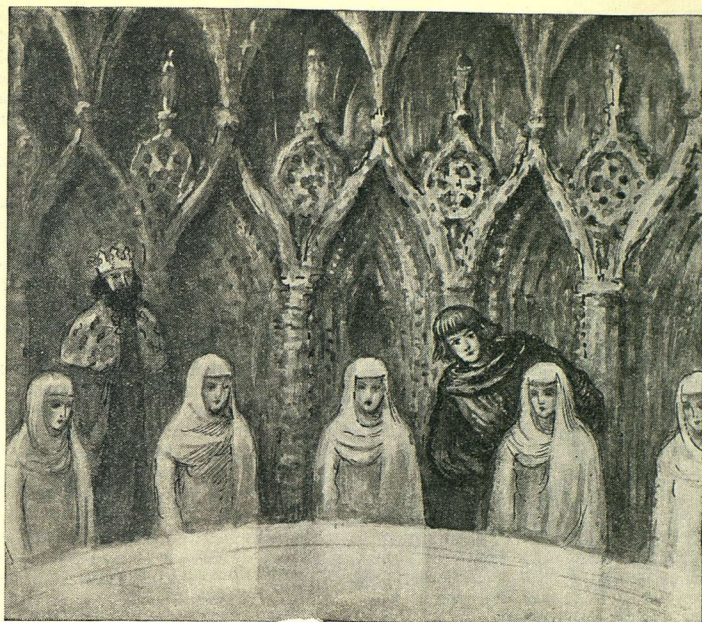
Николай Иванович погрозил пальцем и ушёл.

Юра опять шагнул к девочкам. Вид у него был просительный, почти умоляющий:

— Аля!.. Не визжите только!.. Я тебе зря туловище отдал... мне оно самому очень нужно... Дай, пожалуйста!

Аля вздохнула с облегчением и засунула обе руки в портфель:

— Держи! Мне она всю ночь снилась, безголовая!



Златовласка

Пересказал К. Паустовский

ЧЕШСКАЯ СКАЗКА

Рис. Ю. Кискачи

В одной стране — забыл я её название — был королём злой и сварливый старик. Пришла однажды к нему во дворец торговка, принесла в корзине свежую рыбу и говорит:

— Купи у меня эту рыбу, король. Жалеть не будешь.

Король покосился на рыбу.

— Не видел я ещё такой рыбы в своём королевстве. Ядовитая, что ли?

— Что ты! — испугалась торговка. — Прикажи эту рыбу зажарить, съешь её — и ты сразу начнёшь понимать разговор всех зверей, рыб и птиц. Даже самый малый жучок что-нибудь прошептит, а ты уже будешь знать, чего он хочет. Станешь самым умным королём на земле.

Король это понравилось. Он купил у торговки рыбу и, хотя был скупой и жадный, даже не торговался и заплатил, сколько она запросила. «Вот теперь, — подумал король и потёр костлявые руки, — буду я самым умным на свете и

завоюю весь мир. Это уж как пить дать! Поплачут теперь мои недруги!»

Король позвал своего слугу — молодого Иржика — и приказал ему зажарить рыбу к обеду.

— Но только без плутовства! — сказал король Иржику. — Если ты съешь хоть один кусочек этой рыбы, — отрублю голову.

Иржик удивился такому королевскому приказу. Как же может слуга не попробовать нишу, которую готовят для короля! А вдруг она недозарена? Или недосолена? Или подгорела?

Принёс Иржик рыбу на кухню, поглядел на неё и ещё больше удивился, — никогда он не видал такой рыбы. Каждая рыбья чешуйка светилась разноцветным огнём, как маленькая радуга. Жалко было чистить и жарить такую рыбу. Но против королевского приказа не пойдёшь.

Жарит Иржик рыбу — и никак не может понять, готова она или нет. Рыба не румянится,

не покрывается корочкой, а становится прозрачной, как стекло.

«Кто её знает, зажарилась она или нет, — подумал Иржик. — Надо попробовать».

Взял кусочек, пожевал и проглотил, — как будто готова. Жуют и слышат тоненькие, пискливые голоса:

— И нам кусочек! И нам кусочек! Ж-ж-жареной рыбки!

Оглянулся Иржик. Никого около нет. Только мухи летают над блюдом с рыбой.

— Ага! — сказал Иржик. — Теперь я кое-что начинаю соображать насчёт этой рыбы.

Взял он блюдо с рыбой и поставил на окно, на сквозной ветер, чтобы рыба остыла. А за окном идут через двор луси и тихонько гогочут. Прислушался Иржик и слышит, как один гусь спрашивает:

— Куда пойдём? Куда пойдём?

А другой отвечает:

— К мельнику, на ячменное поле! К мельнику, на ячменное поле!

— Ага, — снова сказал Иржик и усмехнулся, — теперь-то я понимаю, какая это рыба. Пожалуй, одного кусочка мне маловато.

Иржик съел второй кусок рыбы, потом красиво разложил рыбу на серебряном блюде, посыпал резаной петрушкой и укропом, обложил жарушенной, хрустящей картошкой, жареной на козьем масле, и понёс блюдо королю.

С тех пор Иржик начал понимать всё, о чём говорили друг с другом звери. Он узнал, что жизнь у зверей не такая уж лёгкая, как думают люди: есть у зверей и горе и заботы. Иржик стал жалеть зверей и старался помочь каждой самой маленькой зверюшке, если она попадала в беду.

После обеда король приказал подать двух верховых лошадей и поехал с Иржикиком на прогулку. Король, как всегда, ехал вперёд, а Иржик — за ним следом. Горячий конь Иржикика всё рвался вперёд. Иржик с трудом его сдерживал. Конь заржал, и Иржик тотчас понял его слова.

— Иго-го! — ржал конь. — Давай, брат, поскачем через эту гору.

— Хорошо бы, — отвечал ему конь короля, — да на мне сидит этот старый дуралей. Ещё спалится и сломает шею. Нехорошо получится: какникак, а всё-таки король.

— Ну и пусть ломает свою супохрану шею! — сказал конь Иржикика. — Будешь тогда возить молодого короля, а не эту развалюху.

Иржик тихонько засмеялся. Но король тоже понял разговор коней, оглянулся на Иржикика, ткнул его коня сапогом в бок и спросил Иржикика:

— Ты чего смеёшься, нахал?

— Вспомнил, твоя королевская милость, как

сегодня на кухню два повара таскали друг друга за вихры.

— Ты у меня смотри! — с угрозой промолвил король. Он, конечно, не поверил Иржикику, сердито повернул коня и поскочил к себе во дворец. Во дворце он приказал Иржикику налить себе стакан вина.

— Но смотри, если недолёшь или переждёшь, — прикажу отрубить голову!

Иржик взял кувшин с вином и начал осторожно лить вино в тяжёлый стакан из старого зелёного стекла. А в это время влетели в открытое окно два воробья. Летают по комнате и налету дерутся. Один воробей держит в клюве три золотых волоса, а другой старается их отнять:

— Отдай! Отдай! Они мои! Вор!

— Не дам! Я их подхватил, когда красавица расчёсывала золотые косы. Таких волос нет ни у кого на свете. Не дам! За кого она выйдет замуж, тот будет самым счастливым.

— Отдай! Бей вора!

Воробьи взбешались и, схватившись, вылетели за окно, но один золотой волос выпал из клюва, упал на каменный пол и зазвенел, как тоненький колокольчик. Иржик оглянулся на волос и... пролил вино.

— Ага! — крикнул король. — Теперь прощайся с жизнью, Иржик.

Король обрадовался, что Иржик пролил вино и можно будет от него отделаться. Король один хотел быть самым умным на свете. Кто знает, может быть, этот молодой и весёлый слуга ухитрился попробовать жареной рыбы. Тогда он будет опасным соперником для короля. Но тут королю пришла в голову удачная мысль. Он поднял с пола золотой волос, протянул его Иржикику и сказал:

— Так и быть. Я тебя, пожалуй, помилю, если ты найдёшь девушку, что потеряла этот золотой волос, и приведёшь мне в жёны. Бери этот волос и отправляйся. Ищи!

Что было делать Иржикику! Взял он волос, снарядился в дорогу и выехал верхом из королевского города. А куда ехать — не знает. Отпустил он поводья, и конь пошёл по самой пустынной дороге. Она вся заросла травой. По ней, видно, давно не ездили. Дошла дорога до высокой тёмной пущи. Видит Иржик: на опушке пылаёт огонь, горит сухой куст. Пастухи, как всегда, бросили костёр, не залили, не затоптали, и от костра загорелся куст. А под кустом муравейник. Муравьи бегают, суетятся, тащут из муравейника своё добро: муравьиные яйца, сухих жучков, гусениц и разные вкусные зёрна. Слышит Иржик, как кричат ему муравьи:

— Помоги, Иржик! Спаси муравейник. Горим!

Иржик соскочил с коня, срубил куст и погасил пламя. Муравьи окружили его кольцом, шевелят усиками, кланяются и благодарят:

— Спасибо тебе, Иржик! Век не забудем твоей доброты. А если понадобится тебе помощь, надейся на нас. Мы за добро отплатим.

Въехал Иржик в тёмную и тихую пущу. Слышит, жалобно кто-то пищит. Осмотрелся и видит: под высокой елью лежат два воронёнка — выпали, должно быть, из гнезда и пищат:

— Помогите, Иржик! Покормите нас. Умираем с голоду. Мать с отцом улетели, а мы ещё летать не умеем.

Иржик соскочил с коня, зарезал его и оставил воронятам конскую тушу — пусть питаются.

— Бар-р, Ир-ржик! Бар-р-р! — весело закричали воронята. — Мы тебе за это поможем.

Дальше пошёл Иржик пешком. Долго шёл глухим лесом, потом лес начал шуметь всё сильнее, всё громче, ветер гнул уже вершины деревьев. А потом к шуму вершин прибавился плеск волн, и Иржик вышел к морю. На песчаном его берегу спорили два рыбака. Одному попалась в сеть золотая рыба, а другой требовал эту рыбу себе.

— Моя сеть, — кричал один рыбак, — моя и рыба!

— А лодка чья? — отвечал другой рыбак. — Без моей лодки ты бы сеть не закинул!

Рыбаки кричали всё сильнее, потом засучили рукава — и дело бы окончилось дракой, если бы не вмешался Иржик.

— Бросьте шуметь! — сказал он рыбакам. — Продайте мне эту рыбу, а деньги поделите между собой. И дело с концом.

Иржик отдал рыбакам все деньги, что получил от короля на дорогу, взял золотую рыбу и бросил в море. Рыба выплыла хвостом, высунула голову из воды и говорит:

— Услуга за услугу. Когда понадобится тебе моя помощь, ты меня позови. Я приплыву.

Иржик сел на берегу отдохнуть. Рыбаки его спрашивают:

— Куда ты шагаешь, добрый человек?

— Да вот ищу невесту для своего старого короля. Приказал достать ему в жёны красавицу с золотыми волосами. А где её найдёшь?

Переглянулись рыбаки, сели на песок рядом с Иржином.

— Ну что ж, — говорят, — ты нас помирил,



Перевозили рыбаки Иржика на остров.

а мы добро помним. Поможем тебе с охотой. Красавица с золотыми волосами на всём свете только одна. Это дочь нашего короля. Вон видишь на море остров? А на острове — хрустальный дворец? Вот там она и живёт, в этом дворце. Каждый день, на рассвете, она расчёсывает волосы. Тогда занимается над морем такое золотое сияние, что мы просыпаемся от него в своей бедной хижине и знаем, что пора нам, значит, на ловлю. Мы перевезём тебя на остров. Только узнать красавицу будет тебе почти невозможно.

— Это почему же? — спрашивает Иржик.

— А потому, что у короля двенадцать дочерей, а золотоволосая — одна. И все двенадцать королевен одеты одинаково. И у всех на головах одинаковые покрывала. Волос под ними не видно. Так что дело твоё, Иржик, трудное.

Перевозили рыбаки Иржика на остров. Иржик пошёл прямо в хрустальный дворец к королю, поклонился ему и рассказал, зачем попал на остров.

— Ладно! — сказал король. — Я человек не упрямый. Отдам дочь замуж за твоего короля. Но за это ты должен три дня выполнять мои задачи. Идёт?

— Идёт! — согласился Иржик.

— Так пойдя, песни с дороги. Отдохни. Мои задачи замысловатые. Их с коду не решишь.

Хорошо спалось Иржику. В окна его комнаты дул всю ночь морской ветер, шумел прибой, а изредка даже залетали на постель мелкие брызги.

Встал утром Иржик, пришёл к королю. Король подумал, говорит:

— Вот тебе первая задача. Посила моя золотоволосая дочь на шею ожерелье из жемчуга. Оборвалась петля, и все жемчужины рассыпались в густой траве. Собери их все до единой.

Пошёл Иржик на лужайку, где королевна рассматривала жемчуг. Трава стоит по пояс и такая густая, что земли под ней не видно.

— Эх! — вздохнул Иржик. — Были бы здесь друзья-муравьи, они бы мне помогли!

Вдруг слышит писк в траве, будто сотни камыш-то крошечных личишек возятся около него.

— Мы тут! Мы тут! Чем тебе помочь, Иржик? Собрать жемчужины? Погоди, мы это мигом!

Забегали муравьи, замахали усиками и начали стаскивать с ногам Иржика жемчужину за жемчужиной. Иржик едва успевал называть их на суровую нитку.

Собрал всё ожерелье и понёс к королю. Король долго пересчитывал жемчужины, сбивался, считал снова:

— Всё верно! Ну хорошо, завтра дам тебе потруднее задачу.

Приходит Иржик к королю на следующий день. Король хитро посмотрел на него и сказал:

— Вот беда! Купалась моя золотоволосая дочь в море и уронила золотой перстень. Даю тебе день сроку на то, чтобы ты его достал.

Пошёл Иржик к морю, сел на берег и чуть не заплакал. Море перед ним лежит тёплое, чистое и такое голубое.

— Эх! — говорит Иржик, — была бы тут золотая рыба, она бы меня выручила!

Вдруг в море что-то блеснуло на тёмной воде, и из глубины всплыла золотая рыба.

— Не грусти! — сказала она Иржику. — Видела я только что щуку с золотым перстнем на плавнике. Будь спокоен, — я его добуду.

Долго ждал Иржик, пока, наконец, не выплыла золотая рыба с золотым перстнем на плавнике. Иржик осторожно снял перстень с плавника, чтобы рыбе не было больно, поблагодарил её и пошёл во дворец.

— Ну что ж, — сказал король, — ловкий ты, видно, человек. Завтра приходи за последней задачей.

А последняя задача была самая трудная: принести королю живой и мёртвой воды. Где её взять? Пошёл Иржик куда глаза глядят, дошёл до великой пущи, остановился и думает:

«Если бы здесь мои воронята, они бы...»

Не успел он додумать, — слышит над головой

свист крыльев, карканье и видит — летит к нему знакомые воронята.

Рассказал им Иржик своё горе. Воронята улетели; долго их не было, а потом снова зашумели крыльями и притащили Иржику в клювах две баклаги с живой и мёртвой водой:

— Карр, жарр, берри и будь рад! Карр!

Взял Иржик баклаги и пошёл к хрустальному дворику. Вышел на опушку и остановился: между двух деревьев чёрный паук сплёл паутину, поймав в неё муху, убил своим жалом и сидит, со съём мушиную кровь. Брызнула Иржик на паука мёртвой водой. Паук тут же умер: сложил лапки и упал на землю. Тогда Иржик побрызгал муху живой водой. Она оживла, забила крыльями, зажужжала, разорвала паутину и улетела. А, улетая, сказала Иржику:

— На своё счастье ты меня оживил. Я тебе помогу узнать златовласку.

Пришёл Иржик к королю с живой и мёртвой водой. Король даже ахнул, долго не верил, но попробовал мёртвую воду на старой мыши, что торопливо бежала через дворцовую комнату, а живую воду — на засохшем цветке в саду — и обрадовался. Поверил. Взял Иржика за руку, пошёл в белый зал с золотым лепным потолком. Посреди зала стоял круглый хрустальный стол, а за ним на хрустальных креслах сидели двенадцать красавиц, до того похожих одна на другую, что Иржик только махнул рукой и опустил глаза, — как тут узнать, которая из них златовласка! На всех одинаковые длинные платья и белые покрывала. Из-под них не видно ни волоска.

Иржик поднял глаза и вдруг слышит, — жужжит что-то у самого уха:

— Жи-и-и, иди вокруг стола. Я подскаж-жу.

Взглянул Иржик, — летает над ним маленькая муха. Иржик медленно пошёл вокруг стола, а королевны сидят, потупились. И у всех одинаково щёки зарделись. А муха жужжит и жужжит:

— Не та! Не та! Не та! А вот эта — она, золотоволосая!

Иржик остановился, прикинулся, будто ещё сомневается, потом сказал:

— Вот золотоволосая королевна!

— Твоё счастье! — крикнул король.

Королевна быстро вышла из-за стола, сбросила белое покрывало, и золотые волосы рассыпались у неё по плечам. И сразу же весь хрустальный зал заиграл таким блеском от этих мягких и тяжёлых волос, что, казалось, солнце отдало весь свой свет волосам королевны.

Королевна взглянула в упор на Иржика и отела глаза, — такого красивого и статного юношу она не видала ни разу. Сердце у королевны тяжело билось, но отцовское слово — закон. Придётся ей идти замуж за старого, злого короля!



Повёз Иржик невесту к своему господину.

Повёз Иржик невесту к своему господину. Всю дорогу берёг её, следил, чтобы не спотыкался её конь, чтобы холодная капля дождя не упала на её плечи. Грустное это было возвращение. Потому что и Иржик полюбил золотоволосую королевну, но не мог ей об этом сказать.

Старый сварливый король захихикал от радости, когда увидел красавицу. Он приказал готовить свадьбу, а Иржику сказал:

— Хотел я тебя повесить на сухом суку заслушание, чтобы труп твой склевали вороны. Но за то, что ты нашёл мне невесту, объявляю тебе свою королевскую милость: вешать я тебя не буду, а прикажу отрубить голову.

Наутро отрубили Иржику голову на плахе. Зарыдала золотоволосая королевна и попросила короля отдать ей безглавое тело и голову Иржика. Король насупился, но не решился отказать невесте.

Королевна приложила голову к телу, побрызгала живой водой — голова приросла, даже следа не осталось. Побрызгала королевна Иржика второй раз — и он вскочил живой, молодой и ещё больше красивый, чем был до казни. И спросил королевну:

— Почему я так крепко уснул?

— Ты бы уснул навсегда, — ответила ему королевна, — если бы я не спасла тебя, милый.

Король увидел Иржика и остоленел: как это он ожил, да ещё стал таким красивым! Но король был хитрый старик и тут же решил извлечь из этого случая выгоду. Позвал палача и приказал:

— Отруби мне голову! А потом пусть королевна побрызжет на меня чудесной водой. И я оживу молодой и красивый.

Палач с охотой отрубил голову старому королю. А воскресить его не удалось. Зря только вылили на него всю живую воду. Должно быть, было в короле столько злости, что никакой живой водой не поможешь. Похоронили короля без слёз, под барабанный бой. А так как стране нужен был умный и добрый правитель, то и выбрал народ королём Иржика, недаром он был самым мудрым человеком на свете и понимал разговор всех зверей — от медведя до карася. А золотоволосая королевна стала женой Иржика и королевой счастливой земли.

Так и окончилась эта сказка о том, как звери отплатили добром за добро, и как злой король потерял по глупости голову.



ОБХОДЧИЦА

С. Маршак

Рис. В. Константинова

Жить и работать хочется,
Припомнив подвиг твой,
Сверковская — обходчица
Дороги фронтовой.

Ты, стрелочница скромная,
С флажком пошла в обход.
Но крылья тучей тёмною
Закрыли небосвод.

На рельсы бомба сброшена—
Взметнулась пыль столбом,
И рухнул, как подкошенный,
Однооконный дом.

В дымящихся развалинах
У взорванных путей
Нашла ты детский валенок,
Но не нашла детей...

Умчались крылья тёмные.
Осталась ты одна,
Бездетная, бездомная,
У края полотна.

Смотрела ты растерянно
И плакала без слёз.
Но издали размеренный
Донёсся гул колёс.

Откуда силы прибыли?
Ты встала, флаг подняв,
И в двух шагах от гибели
Задержан был состав.

В единое мгновение
Со скрежетом колёс
Остановил движение
Горячий паровоз.

Вослед за остановкою
Подался он назад,
И выпрыгнул с винтовкою
На полотно солдат...

В пути меж полустанками
Тобой был спасён
Орудьями и танками
Гружёный эшелон.

И танки и орудия
В тот день помчались в бой.
Святое правосудие
Несли они с собой.

Убийцам воздаяние
За маленьких детей,
Погибших в утро раннее
В сторожке у путей...





Есть притча о людях, с факелом бегущих
ночью.
Когда падает один гонец, то другой
подхватывает факел.
Так бегут люди сквозь темноту, и факел
горит неугасимо.



ет пятнадцать — двадцать назад столько радиомачт торчали на московских домах, что крыши походили на корабельные палубы и весёлые художники рисовали пичугу, запутавшуюся в снастях, и подписывали:

«Ах, попалась, птичка, стой, не уйдёшь из сети!»

То была славная пора — пора первой любви к радио.

Невидимка завёлся в мире. Он сквозь стены проникал в дома и неслышно поселялся в квартирах.

Люди жили, работали, развлекались; невидимка присутствовал тут же. Было странно знать, что неслышно поёт над ухом невидимый домовый.

А услышать духа было захватывающе просто. В мотке проволоки скрывалась катушка самоиндукции, в пластике шоколада — конденсатор: радиолюбители ножницами кроили серебряную бумажку на лепестки и перекладывали их лепестками из бумаги волшебной. Телефонная трубка и свинцовый кристалл дополняли радиоприёмник — и музыка тонко запевала в мембране.

И те, у кого дыхание спирало от внезапного этого чуда, те поймут превращения другой далёкой поры — поры первой любви к электричеству.

Полтораста лет назад наши прадеды так же увлекались электричеством, как мы увлекаемся радио. Ставить опыты было захватывающе просто. Выгребали из кармана монеты. Режут старый камзол на суконные кружки. Мочат уксусом. Складывают стоп,

кой. Получается вольтов столб — генератор чудес.

От электростатических машин удавалось получать лишь толчки тока — электрические разряды, а от вольтовы столба течёт постоянный, как поток воды, ток.

Маленький столб — маленькое чудо.

Кончики шнурков из блестящих канители — те, что тянутся от столба, — странно щиплют язык. Добавляют монет — сильнее щиплет. Добавляют ещё — ещё сильнее! Ну, а если ещё добавить, что тогда? Может быть, ожог? Боль? Потрясение? Нет... Искра! Совершенно неожиданная вещь. Чем выше растёт столб, тем ярче и жарче щёлкают искры. Об этом сообщают научные книги и журналы.

Вольтовыми столбами занимаются все: учёные, торговцы, врачи, аптекари. В кабинетах королей стоят вольтовы столбы из золотых и серебряных монет.

Занимается вольтовыми столбами и русский академик Василий Петров. Он работает днём и ночью, не щадя себя.

Ещё не изобретены чувствительные вольтметры, измеряющие электрическое напряжение. Но Петров сам себя превратил в вольтметр. Он бесстрашно срезал кожу с кончиков пальцев и ловил тончайшие толчки электрического напряжения обнажёнными нитками нервов.

Одна мысль кружит голову академику Петрову. Что если взять не десяток монет и не сотню, а тысячи, даже несколько тысяч? Каким чудом тогда поразит нас электричество? Вот бы собрать столб небывалой длины, тысячи на четыре с лишком медных и цинковых кружков! Собрать да и поглядеть, что получится! Ох, и богатырская, должно быть,

искра проскочит меж концов шнура! А быть может, и не искра вовсе?

Может быть, такое немислимое чудо, что и вообразить заранее нельзя?

Потому не терпится ждать академику Петрову, пока соберут его «наипаче огромный» столб. Со сборкой мешкать нельзя. Столб такой длины, что, пока собирают главную часть, хвост успевает просохнуть.

На стеклянную скамеечку положены два древесных угля, к ним подведены шнуры от огромной батареи. Осторожно сближаются угольки. И вдруг «является между ними яркое, белого цвета пламя». Своды залиты серебряным светом, непривычно резкие тени словно чернью отчеканены по серебру.

Предвидение Петрова сбылось. Он не зря увеличивал количество кружков. Рост количества породил новое качество — небывалое явление, невиданное в природе. До Петрова электрический свет был вспышкой: искрой, молнией, — а теперь он горел постоянно, как солнце.

Академик Василий Петров сделал великое открытие.

Он описал свои опыты в маленькой книжке, изданной в 1803 году на русском языке. За границей она осталась неизвестной. Про неё скоро забыли. Восемь лет спустя английский физик Дэви вторично получил невыносимо яркую световую дугу между кусками угля, присоединёнными к батарее. Он назвал её вольтовой дугой. Открытие прославило Дэви.

Вольтова дуга была первым источником постоянного электрического света.



И вдруг «является между ними яркое, белого цвета пламя».

2

И дугу действительно приспособили для освещения. Но какой дорогой ценой!

Дуга пылала, и от страшного жара испарялись уголи, и с каждой секундой рос пролёт между угольями. Через полминуты начинало тревожно шипеть и метаться пламя, а затем обрывался ослепительный мост — и дуга погасала.

За дугой приходилось неотступно следить и подкручивать, подкручивать рукоятку, сближающую уголи, как подкручивают в лампе стремительно горящий фитиль.

Это было невыносимое дело.

В середине прошлого века инженеры постарались выйти из положения и пристроили к дуге часовой механизм. Дуговая лампа получилась сложной, как стенные часы.

«Тик-так, тик-так», — педантично тикал механизм, постепенно сбли-

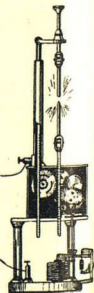
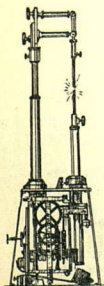
жая уголи. Но дуга не была такой педантичной, как часы. И она нередко обгоняла ход часов и гасла.

Инженеры пошли на другое усложнение. К часовому механизму пристроили электрический механизм, подгонявший часы, когда лампа собиралась гаснуть и ток через дугу уменьшался. Получился исключительно сложный регулятор. И всё-таки он был несовершенным.

Несколько ламп нельзя было включать в одну электрическую цепь. Регуляторы не могли работать вместе. Они действовали вразнобой и, заботясь каждый лишь о своей дуге, гасили соседние дуги. На каждую лампу нужна была отдельная электростанция.

Перед техникой встала непонятная, на наш сегодняшний взгляд, но по тем временам отчаянно сложная задача — «дробление электрического света».

Любители электрического освещения не щадили затрат. Они шли на постройку домашних электростанций. Они ставили в подвале паровую машину и заставляли её вертеть генератор. Но питали эти электростанции одну единственную лампу. Она во всём своём нестерпимом блеске царил в одной един-



свётовой комнате, и лучи её вырывались из окон в темноту, словно веер прожекторных лучей, а хозяин шурялся и опускал глаза, как поэт, пригласивший на чашку чая солнце.

И не было у техники средств, чтобы это солнце разойти и разнести сияющие осколки по всем остальным темным комнатам дома. Первоклассные изобретатели теряли голову.

Замечательный инженер Чиколев, автор множества полезных изобретений, совершенно серьезно предложил проводить свет по трубам, как проводят светящийся газ. Трубы радиусами расходились от центральной лампы. Внутри труб стояли оптические линзы. а в коленах труб — акционные зеркала.

Но по трубам до комнат добирались такие чахлые лучи, что при этом свете, по отзывам современников, можно было свободно играть в жмурки, не завязывая глаз.

А пока электрический свет не мог дробиться, расекаться по темным углам, как газ по трубам, до тех пор электрическая лампа не могла соперничать с газовым освещением.

Вот такую дуговую электрическую лампу, сложную, как стенные часы, неделимую, как неосное светило, получила в свои руки в 1874 году начальник телеграфа Московско-Курской дороги Павел Николаевич Яблочков.

Получил при чрезвычайных обстоятельствах. Важный поезд должен был следовать в Крым, и на паровозе, впервые в истории техники, поставили прожектор с дуговой лампой.

Без того привередливый регулятор, при толчках бастовал окончательно, и следить за дугой, подправлять регулятор вручную, поручили человеку, наиболее понимающему в электричестве, — начальнику телеграфа дороги Яблочкову.

Уехали тоннели, грохали мосты, поезд летел полным ходом. Яркий луч простирался вперед и ложился на шпалы овальным пятном, и его рассекали огненные струи дождя.

В дублённом полушубке, широкоплечий, с бородой, развеваемой вихрем движения, стоял на передней площадке паровоза Яблочков, словно статуя на носу старинного корабля. Он проворно менял угли, неустанно подкручивал регулятор, ту же поджимал провода. Руки стыли на резком весеннем ветру, обжигались о горячие угли. Он прозяб до костей, но не мог ни на минуту оставить дугу: подводил проклятый регулятор.

А на станциях лязгали буфера, менялись паровозы. Перетаскивал Яблочков свой прожектор с паровоза на паровоз. Даже на станциях не мог обогреться. И снова мчался поезд сквозь долгую ночь, и дуга горела неугасимо.

Когда Яблочков, шатаясь от головокружения, сошёл с паровозного мостика на твердую землю, то понял, что светоч, который он обергал в течение долгих ночей, который он пронёс в коленеюющих руках через мрак по необъятным просторам России, — этот светоч станет отныне первойшей заботой его жизни.

Мимо чёрных деревень, мимо тусклых городов, мимо брезжащих копилками стан-

ций пронёсся, как комета, хвостом вперёд, пробила таа и скрылась дуга Василия Петрова. А хотелось удержать её у этих городов и деревень, разнести ее свет по домам и избам, разоросать по улицам и площадям, распылить по всей российской шире.

Надо было сделать доступной всем электрическую дуговую лампу. Надо было как-то упростить регулятор.

Эта мысль завладела Яблочковым, полонила его всего, во всем мерещились ему сближающиеся, готовые вспыхнуть угли.

Девочка на крыльце зажмурилась, гадает, сводит и разводит пальцы. И уже Яблочков следит за ней из окна насулпенным взглядом: вот, вот вспыхнет меж кончиков пальцев электрическая дуга.

Старушка в кресле вдевает в иголку нитку: шурится, тычет нитку в игольное ушко. И уж Яблочков шурится вместе с ней: выруг блеснет дуга между ниткой и иглой.

Фехтовальщики в цирке бьются на рапирах. И в сверканье рапир и движениях тела видит Яблочков ход рычагов и тяг регулятора, ещё сам не знает, какого.

«Где он, регулятор? Где он?» — спрашивали у вещей его рассеянные глаза, но вещи молчали безответно.

Это была такая настойчивая, такая неотвязная забота, что мешала служить, и он бросил службу на железной дороге и пошел на работу в мастерскую товарища. Оба были изобретателями, увлекались электричеством. Мастерская стала местом поразительных опытов. Ослепительные вспышки света сверкали в окнах, а однажды в задней комнате грохнул глухой взрыв.

Царская полиция заподозрила изобретателей в связях с революционерами. Оставаться в России было опасно, и Яблочков быстро уехал в Париж.

Он поселился в квартале, где жили русские эмигранты, и занялся в электротехнические мастерские.

Работа была интересная. Он мог целые дни проводить у динамомашины, вечерами же мастерить регулятор. Он заставлял дружинки подталкивать навстречу два угля. Чтобы угли не сомкнулись друг с другом, распирала их фарфоровая пластинка. Но в жару дуги расплавились даже фарфор, и минуту спустя угли смыкались. Плавилось всё наперечёт: гипс, глина, кирпич.

Дни шли, месяцы шли — регулятор не получался. Сокрушенный сидел Яблочков в дешёвом парижском кафе и вертел в руках два карандаша, купленные в лавке напротив. Он бездумно постукивал ими по столу и наконец поставил рядом стоймя, осторожно отняв руки.

Регулятор? Да нужен ли вообще регулятор? Яблочков так и застыл с расставленными руками. Карандаши словно заговорили.

Взять, поставить рядом стоймя пару угольных стерженьков, подвести к основаниям провода и каким-нибудь, третьим угольком на мгновение замкнуть верхушки. Вспыхнет меж верхушками сияющий мост-дуга. Угли будут сгорать, а пролёт между углями расти не будет, лишь всё ниже и ниже будет опускаться сияющий мост.

Находка? Решение? Победа?

Нет! Закос!

Да ведь он не удержится на вершинах стерженьков, ослепительный мост. Ведь он тут же сорвется, соскользнет к основаниям стержней, как флажок с вершины флашгтока. И дуга со всей яростью приметит прыжки основания углей, пережжёт их у самого низа — поджогом, рухнет стерженьки. Конец всей затее!

Отчаянным взглядом озирается Яблочков по сторонам. И вдруг заговорила свеча в подсвечнике на столе. Что удерживает пламя наверху фитиля. Стеарин! Опыливает стеарин, и медленно опускается пламя по фитилю.

Так сделай и ты свечу! Окуни эти угли в стеарин, пусть застынет между ними стеариновая прокладка. Но заранее ясно: стеарин не податлив всежигающему жару дуги. Нужно выбрать другой, подходящий стойкий материал.

Но ведь тебе, как никому, ведомы повадки веществ в пламени электрической дуги. Плавают гипс, фарфор, глина, стекло, песок, известняк... Не получится с гипсом — помягнет фарфор, не получится с фарфором — вырчит глина. Звезде уж всё у тебя в руках, всё в твоей воле.

Лампа выйдет, не может не выйти!

Окрылённый возвращается Яблочков в мастерские. Снова предпринимается за опыты. И лампа выходит!

Современники ахнули от восторга перед её гениальной простотой. Просто палочка! Просто свеча! Никаких рычагов, колёс, часовых механизмов.

Между двух углей, стоящих рядом, проложено непроводящее вещество, сгорающее с той же скоростью, что и угли. Дуга горит, вещество плавится, обнажая двойную угольную палочку, точно так, как стеарин, оплавляя, обнажает фитиль.

При питании дуги постоянным током один из углей сгорал гораздо быстрее другого. Это портило всё дело. Но Яблочков вышел из положения, начав питать свои свечи переменным, всё время меняющим направлением током и заказав для этой цели специальные электрические машины. Переменный ток неожиданно оказался наречеством удобным для тысяч других электрических машин. Так свеча Яблочкова положила начало грандиозной технике переменного тока.

Полагали, что на переменном токе невозможно получить устойчивой дуги, но дуга получилась такая устойчивая, что к одной машине можно было подкалять десятки ламп. Задача дробления электрического света решена окончательно.

Так было положено в 1876 году Парижской академии наук об электрической свече Яблочкова.

А тем временем лампа уже рвалась из мастерских и лабораторий в повседневный обиход. Она вышла на улицы Парижа в громадных белых шарах молочного стекла. Светозарные шары воцарились над Оперной площадью, две жемчужные нити легли вдоль аллеи Оперы, в голубом, беспощадном свете засверкали дра-

гоценности в магазинах Лувра, залились серебрыстым блеском площадь Этуаль, площадь Законодательного собрания, кафе, концертные залы, ипподром.

«Русское солнце!» — восхищённо повторяли парижане. Они вечером толпами выходили на улицы, чтобы не упустить мгновения, когда разом, словно по волшебству, вспыхивают все фонари. Так туристы встречают солнечный восход.

«Русское солнце!» — кричали жирные заголовки газет.

Появился французский синдикат «Главное общество электричества по методу Яблочкова».

«Русское солнце!» — говорили капитаны, шкиперы, матросы пароходов всех стран мира, заходивших в Гаврский порт и лагировавших ночью в свете электрических фонарей так легко и свободно, как в летний безоблачный день.

Далеко за моря летела слава русского солнца. За Ламаншем, в тумане Лондона, вспыхивают светозарные шары. Вестминстерские доки, набережная Темзы от Ватерлооского моста до Вестминстерского аббатства, Нортумберленд-авеню, железнодорожные станции Чаринг Кросс и Виктория, знаменитый читальный зал библиотеки Британского музея, рестораны, частные дома — всюду сверкают электрические свечи.

«Русское солнце!» — восхищённо повторяют англичане.

Появляется английский общество «Компания электрической энергии и света по способу Яблочкова».

«Русское солнце!» — восхищённо твердят испанцы, бельгийцы, итальянцы, немцы, греки. Свечи Яблочкова заливают потоками света лучшие здания, улицы, площади Мадрида, Брюсселя, Неаполя, Берлина, Фалерно, Афин, Пирея...

От сияния «русских солнц» шуряют персидский шах и король Камбоджи: свечи Яблочкова светят в их великолепных дворцах.

В электрическом свете меркнет бледное пламя газовых фонарей как пламя свечей в блеске солнечного дня. И акционеры газовых компаний злобными, ревнивыми глазами начинают искать на солнце пятна.

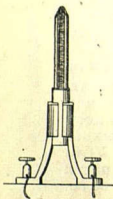
Они живут в капиталистическом мире. В этом мире деньги решают судьбы людей: дарят жизнь и приговаривают к смерти. В газовое дело вложены их деньги, их судьба. И акционеры отстаивают газ с отчаянием и злобой, не на жизнь, а на смерть.

«Свечи Яблочкова превращают зрячих в слепых», — писали они в продажных газетах. — Люди будут слепнуть от яркого света!»

«Если люди не слепнут от солнца, — отвечал им Яблочков, — то подавно не ослепнут от моей свечи».

«Свечи Яблочкова превращают живых в мертвецов, — не унимаются акционеры. — В свете дуг у людей фиолетовые губы и голубоватые лица!»

Но одним ударом опрокидывает Яблочков и это возражение. Он добавил в прокладку между углями вещество, которым пиротехники окрашивают пламя фейерверков. Голу-



бая дуга порозовела.
Из холодного, мерт-
венного, голубого свет
стал тёплым, живым,
розовым.

Богатырскими уси-
лиями ума — словом,
опытом, выдумкой
изобретателя — сокру-
шает Яблочков препону
ревнителей газа.

Яблочков славен и
знаменит. Он один из
самых богатых людей
Парижа. Но нет для
него славы вне ро-
дины. Нет ему счастья
вне отечества. Он спе-
шит возвратиться в
Россию, в Петербург.

Но право использо-
вать электрическую
свечу в России при-
надлежит загранич-
ным компаниям. И Яб-
лочков собирает все
свои средства и за мил-
лион франков выку-
пает это право.

Учреждается русское
товарищество «Яблоч-
ков-изобретатель и
К».

От Каспийского до
Белого моря широкой
россыпью разбегаются
по России жемчужины
электрических фона-
рей. Они светят в Пе-
тербурге, в Москве, в
Сестрорецке, в Крон-
штадте, в Нижнем-
Новгороде, в Гельсинг-
форсе, в Коппине, в
Ораниенбауме, в Пола-
таве, в Брянске, в
Красноводске, в Ар-
хангельске.

Ещё редка эта россыпь, но исход борьбы
предрешён. Газ уступает дорогу электриче-
ству. Старое расступается перед новым.

Это новое несёт в мир Яблочков. И его под-
держивают пайщики русской, французской,
английской электрических компаний. Ведь
для них это не только световой поток, но и
золотой поток, льющийся в их карманы.

Безудержно разливается «русский свет», и
в его лучах бледнеют газовые фонари, как
ночные звёзды с восходом солнца.

Новизна стал давать себя знать непред-
виденный противник свечи, развивавшийся
с неодолимой силой. Он был так неказист на
вид, что при первом знакомстве выглядел
пустяком.

В совершенно пустой стеклянной колбе
трясая мелкой дрожью волосок, почти не-
различимый глазом. Он, казалось, готов был
разлететься от дуновения, но был упруг и
прочен, как струна. Электрический ток кадил
его добела, и сверился он в сотни раз ярче



Свечи Яблочкова заливают потоками света лучшие здания, улицы, площади...

копачков газовых фонарей. Это была уголь-
ная электрическая лампа накаливания, соз-
данная гением других русских изобретате-
лей: Лодыгина, Булыгина, Дидрихсона, Кона.
Она стала подраживать свече Яблочкова
на каждом шагу.

«Ты живёшь полтора часа, а я в тысячу
раз дольше!»

И свеча ничего не могла возразить в ответ.
«Ты, однажды погаснув, не можешь зажечь-
ся вновь, я же тысячи раз зажигаюсь и
гасну!»

И свеча ничего не могла возразить в от-
вет.

«Ты горишь, отравляя воздух, я же совер-
шенно чиста!»

И свеча ничего не могла возразить в от-
вет.

«Ты не можешь стать маленькой, потому
что глохнет твоя дуга, я же лезу свободно в
ночник, забираюсь в карманный фонарик,

Можно тысячи моих сестёр подключать к одной машине!»

И свеча ничего не могла возразить в ответ.

И на выручку свечи шёл дорогой нескончаемых опытов Яблочков. Чтоб хоть как-то удлинить срок горения ламп, он стал ставить по несколько свечей в один колапак и придумал изумительно простое устройство, чтобы свечи сами загорались одна за другой. Он решил, наконец, и почти нерешимую задачу: свечи стало возможным гасить и зажигать многократно.

Всё же угольная лампа накаливания продолжала теснить электрическую свечу. Старое отступало под натиском нового. Это старое вынужден был отставить Яблочков всею мощью изобретательского таланта.

И его погострекали на это пайшики русской, английской, французской компаний.

В капиталистическом мире жилаи они. В этом мире деньги правят жизнью людей. В свечах Яблочкова деньги пайшиков, их судьба. И они цепляются за свечи Яблочкова, как за жизнь.

«Держитесь, Яблочков, держитесь!» — понукали они, гонимые страхом за свои деньги.

Гениальным чутьём изобретателя чужал Яблочков, что правда науки права жизни отныне не на его стороне. И сердце его к свече охладевало.

Втихомолку начал он опыты по накаливанию током каолиновых стерженьков. Это был плодотворный путь, много лет спустя приведший к замечательной лампе накаливания. Но пайшики в ужасе завопили.

«Яблочков предал нас!» — возмущилась английская компания.

«Яблочков рубит сук, на котором мы сидим!» — кричал французский синдикат.

«Яблочков рубит сук, на котором сидит он сам!» — кричало русское товарищество.

Страх затемнял их рассудок. Они толкали изобретателя на старую, избитую колею, загоняли в обжитый, безысходный тупик.

Золотая цепь приковала Яблочкова к свече, и он тешно рвался с этой цепи. Новое, растущее, неодолимое шло против него, а его вынуждали бороться с этим новым против разума, против сердца.

Яблочков отказался продолжать борьбу.

Тогда пайшики предали Яблочкова. Они в панике побежали из синдикатов, товариществ, компаний, словно крысы с тонущего корабля.

Они выстроили дом, притащив каждый по кирпичу, а теперь бежали из дому, расхватав свои кирпичи. Здание рухнуло, погребя пол обломками нерасторопных. Синдикаты, компании, товарищества лопнули. Яблочков был разорён совершенно. Золотые оковы упали с его рук. Он был свободен. Свободен ли? И тут Яблочков с полной ясностью понял, что в мире, где деньги властвуют над людьми, изобретатель, как бы велик он ни был, — в сущности, раб, беспаянный человек.

Несколько лет назад, на заре электрического света, стояя он у развилки двух дорог, одна вела к лампе дуговой, другая — к лампе накаливания.

Яблочков выбрал первую. И сейчас же хлынул вслед золотой поток, полхватаил, закружил Яблочкова и понёс с собой, как шепку. Полонённый, лишённый свободы выбора, нёсся Яблочков туда, куда влёл его золотой поток.

А теперь, когда обмелел поток, сможет ли Яблочков сделать свободный выбор, сможет ли осуществить хоть одну из бесчисленных новых идей, роящихся в голове? Нет, не может.

Для осуществления новых изобретений нужны деньги. Ну, а он разорился, он банкрот.

В мире денег презрением клеймят разорившихся. Где найдёт себе нового хозяина разорившийся изобретатель. Никто не даст ему ни копейки.

Скромно, в бедности доживает Яблочков остаток жизни. Погасают одна за другой в его голове большие изобретательские идеи, гаснут один за другим огни его свечей.

Так капитализм раздавил гениального изобретателя, творца электрического света.

Но неугасима слава русской науки. Не забылос и будет жить в веках имя Павла Яблочкова, разбросавшего по земному шару жемчуг электрических фонарей.

Светозарные зёрна, зароненные Яблочковым, прорастают нежданно великим изобретением.

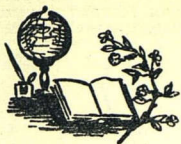
(Окончание следует.)



МОСКВА. КРЕМЛЬ.

С картины Б. Рыбенкова

ПИОНЕРСКАЯ



УЛИЦА

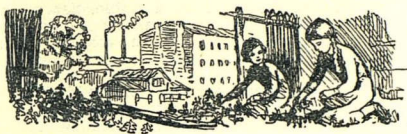


Н. Преображенская

На угловом доме одной из улиц Петроградской стороны висит дощечка с надписью: «Пионерская улица».

Откуда взялось это наименование? О каких событиях говорит оно? За что ленинградским пионерам подарили целую улицу?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо начать рассказ издалека...



Шёл 1923 год...

Майское солнце горячо пригревало высокие кирпичные дома и маленькие деревянные домишки Петроградской стороны. Но они всё равно казались хмурыми, такие они были грязные, закопчённые и облупленные. Дымили фабричные трубы. По крупному неровному булыжнику мостовой ветер переметал всякий хлам и шелуху от подсолнуха. Со старого плаката на заборе смотрели строгие глаза красноармейца в богатырском шлеме с красной звездой, внизу была крупная надпись: «Не бывать врагу в Красном Петрограде!»

Через час — два с ближайших фабрик «Канат» и «Красное знамя» потечёт густой толпой рабочий люд и будет чувствоваться, что это окраина большого города. А пока улица жила тихой, провинциальной жизнью.

У разломанного забора, возле школы, на Большой Гребёцкой копошились две девочки. Они торопливо собирали в передники личишки молодой крапивы, на ци. В каком-то дальнем дворе надрывалась шарманка, яростно лаяла собачонка, которую от нечего делать дразнили мальчишки.

Во дворе напротив послышались звон разбитого стекла и визгливая брань... Одна из девочек прислушалась:

— Опять Сенька окно у кого-то разбил. Это в ихнем дворе, слышишь, Нюра?

— А что с него взять? Хулиган, безотцовщина... Тётка Марья сама так говорит, — откликнулась Нюра.

И вдруг в привычные звуки улицы ворвались звонкая дробь барабана и задорная незнакомая песня:

«Здравствуй, милая картошка-тошка-тошка,

Низко бьём тебе челом-дом-дом».

Со всех дворов, со всех лестниц горохом посыпались на улицу ребятишки и побежали навстречу песне и барабану.

По Большой Гребёцкой шёл отряд ребят. Коляхалось красное знамя с золотыми кистями. Чётко отбивали дробь палочки в руках маленького барабанщика. Шли мальчишки и девочки, построившись по росту, крепко держа строй. Их было немного, и одеты они были кто во что: у кого на ногах верёвочные лапотки, у кого расшлёпанные мамины башмаки. Но у всех одинаковые красные гаустуки на шее и синие шлемы с алыми значками. И головы подняты у всех одинаково гордо.

Из двора вылетела буйная ватага мальчишек во главе с Сенькой.

— Кто это? Куда они идут?

— Гляди, гляди, шлемы, как у бойцов!

— Надели красные платочки на шею и задаются, — пренебрежительно сказал Сенька, но его никто не поддержал.

Не отвести глаз от горло шагающих барабанщика, фанфариста и знаменосца...

Нюра и Оля тоже высочили из-за забора и смотрели во все глаза. Нюра даже забыла о семечках, зажатых в кулаке.

— Нюрка! А я барабанщика этого знаю. Это Серёжка Фомичёв, а вон там Коляка, брат его... Бежим за ними! Мы с тобой сейчас всё узнаем...

Отряд, сопровождаемый всё растущей толпой любопытной детворы, остановился у клуба фабрики «Красное знамя». Короткая команда — и ребята, свернув знамя, по одному исчезли за дверями. Девочки разочарованно переглянулись:

— Бежим по Дунькиному переулку, там через забор всё видно... Мы Серёжку и выловим, — шепнула Нюра.

Серёжа сначала немного задавался, но потом отошёл и начал рассказывать сбивчиво и оживлённо:

Мы сегодня в Петроградском райкоме знамя получали пионерское, и в первый раз шли строем со знаменем... Правда, здорово! Я с самого начала, с февраля, в отряде, ещё когда клуб на старом месте был, рядом с фабрикой. Здесь у нас лучше: и места больше и площадка есть — для «тренировки», как Володя говорит.

— Это какой Володя? С «Красного знамени»? Комсомолец? Так я его знаю, он с мамой в одном цеху работает...

— Погоди, Нюрка... Пусть Серёжа по порядку расскажет, — остановила подругу Оля. — Кто вы такие, скажи?

— Мы?... Мы юные пионеры! А пионер — это, понимаешь, тот, кто первый по новой земле идёт, которую он открыл. Это вообще, по географии. А мы первые рабочие ребята, которые организовались на помощь комсомольцам, партизанам... Понятно? Мы как войско. У нас и знамя, и фанфара, и шлемы.

— А зачем платочки на шее?

— Какие платочки?! Не платочки, а галстуки пионерские. Нам к Первому мая на фабрике матери сшили... и шлемы... Вот дура беспонятная! — рассердился Серёжа, но тотчас прикусил язык и покраснел, вспомнив, что пионер должен быть вежливым, что ругаться нельзя. — У нас здорово интересно! Я уже шесть морских узлов умею вязать и флажками разговаривать по азбуке Морзе скоро выучусь... Зачем? Узнаешь, как в лагерь поедem, Походы у нас будут! Пионер должен быть закалённым, выносливым. Я на шест выше всех влезть могу... А, знаешь, какой я сильный!..

— Погоди хвастать... А нас примут?

— Почему ж не принять? Вы не буржуи... Только нужно выучить законы и обычаи пионеров, а потом будете перед строем давать обещание, что учиться хорошо будете и старшим помогать... и дисциплина чтобы... У нас начальником отряда Юра Дитрих. Он очень строгий. Вот однажды...

Но девочки вдруг отвернулись от него и прислушались:

— Ой, гудюк!.. — вскрикнула Нюра. — Сейчас мама с фабрики придёт, а я ещё за хлебом в лавочку не сбегала.

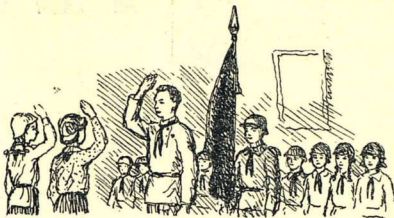
— Ой, а у меня Муська-то одна дома оставлена...

И девочек точно ветром сдуло.

Через две недели, принарядившиеся и

азвонованные, девочки стояли у дверей клуба имени Тюшина.

Отряд собрался в фойе клуба: в остальных комнатах ещё шёл ремонт. Вот пришли с фабрики «Красное знамя» две работницы, старик-слесарь Иван Михеич и комсомолец Володя. Ребята поздоровались с ними.



Володя попросил Ивана Михеича, который участвовал в гражданской войне, рассказать ребятам, как он и его сын воевали с белыми.

Ребята жадно слушали. Только Оля и Нюра никак не могли сосредоточиться. Они всё повторяли про себя законы пионеров.

Вдруг стало очень тихо. Голос у Ивана Михеича стал глухим:

— Вот, ребятки, так мы сражались... Сложил мой Тимоха голову за советскую власть. Да разве он один? У многих ли из вас отцы живы? А трудно без отца расти. И голодно и строгости настоящей нет — разбаловаться можно. Вот вы теперь отряд. Это сила. Ваше дело — как можно больше таких ребят привлечь к себе, тогда вы большой подмо-



Первый пионерский отряд фабрики «Красное знамя» в Ленинграде. 1923 год.

гой для нас, стариков, станете. Война у нас кончилась, а страна-то в разрухе. Надо всё это поднять. Теперь вам хозяйевать, строить новое рабочее государство.

— Дай-ка мне к слову сказать, — приподнялась старая работница. — Ребята! Иван Михеич сказал, что вы должны вырасти хозяйевами. А я добавлю, что вы и сейчас должны по-хозяйски на жизнь смотреть. На фабрике сейчас начинается кампания по сбору металлического дома. Вы нам очень можете помочь.

— Верно! Правильно! — возбуждённо закричали все.

— Завтра же начнём!

По знаку Володи затрубила фанфара. Ребята быстро вскочили и построились. Оля и Нюра остались одни, вне рядов, оторопевшие, растерянные.

— Знамя вперёд!

Начальник отряда Юра Дитрих встал лицом к строю:

— Сегодня мы принимаем в наш отряд двух новых пионеров — Олю Михееву и Нюру Волчку. Сейчас они перед нашим знаменем принесут пионерскую клятву.

Срывающимся звонким голосом девочки поочереди произнесли торжественные, полные глубокого смысла слова.

Потом, счастливые, раскрасневшиеся, получивши они из рук Юры красный галстук и синий шлем. На нём горящий костёр с пятью языками пламени.

Так у Оли и Нюры началась новая жизнь.



На следующий день сбор отряда был назначен у фабрики «Красное знамя». Нюра с самого обеда куда-то пропала, и Оля пошла одна. Проходя мимо клуба, она увидела, что вся сенькина компания собралась в Дунькином переулке. «Обязательно стёкла выбьют...» — испугалась Оля и припустилась бегом.

Под высокими воротами фабрики был в сборе весь отряд. Нехватало только Серёжи и Нюры. Но вдруг они выскочили из боковых дверей, весёлые, перемазанные мукой и клеем, с плакатами в руках, и начали хвастать, что всю фабрику заклеили плакатами. Схватив Нюру за рукав, Оля оттащила её в сторону и шопотом рассказала о Сеньке и его приятелях.

— Кому-нибудь из начальников надо об этом сказать, предупредить, — шептала Оля.

— А ты знаешь что? Я вчера вечером видела, как Володя и Юра там по переулку с Сенькой гуляли, честное слово! И Сенька совсем не бузил. О чём-то разговаривали... — тоже возбуждённым шопотом начала Нюра.

Её прервал гул. На дворе фабрики стали собираться рабочие. Вытирая на ходу руки, они приветливо улыбаясь ребятам:

— А-а, помощники пришли...

Субботник начался. Ребята разбежались по

всей территории фабрики. Работа закипела, весёлая, азартная. Двор фабрики был полон разнороченный муравейник. Взад и вперед снова вымазанные с ног до головы ребята. В углу, около забора, быстро вырастали две кучи металлического дома. Одна — большая, другая — поменьше, пионерская.

— Ого! — уже выше Серёжи наша куча! Вот бы с Володой ростом стала, тогда и кончать можно...

Но вот фанфарист заиграл сбор...

Оля и Нюра, сияющие, притащили напоследок огромный ворох железных стружек и, раскавав, забросили на самую вершину. Когда Володя встал около собранного железа и поднял руку, девочки увидели, что даже поднятая рука Володи не доставала до верхушки кучи.

— Ну, спасибо, товарищи пионеры! — сказал Володя. — Вы хорошо поработали сегодня. Большую помощь оказали фабрике и всей стране. Здесь, на дворе, стало чисто, а железо, что вы собрали, пойдёт снова в дело. Но это — только начало. Двинемся теперь по улицам, дворам, домам... Нужно всем ребятам рассказать об этом. Я уверен, что мы найдём себе помощников...

При этих словах Володя загадочно улыбнулся, махнул рукой и добавил:

— А сейчас в клуб!

Свернув в Дунькин переулок, отряд вдруг остановился, без всякой команды. Около забора они увидели большую кучу железного дома. Сенька тащил к ней целую печку-буржуйку... Он смущённо улыбнулся. Володя и Юра подошли к нему и поочереди пожали его руку:

— Хорошо, Сеня! Давай, сзывай свою команду.

Сенька пронзительно свистнул. Из-за угла, из щелей забора появлялись один за другим мальчики. Кто тащил чайник без носика, кто — старую вывеску, кто — дырявую кастрюлю.

— Ребята! Сеня и его товарищи хотят записаться в наш отряд, — сказала Володя. — Они обещают, что будут вести себя достойно звания пионера. Первое моё поручение они выполнили с честью, — и Володя показал на выросшую в переулке гору старого железа. — Я верю, что они также честно сдержат своё обещание.



Каждый день в клубе имени Тюшина пионеров ждало что-нибудь новое и интересное. Сегодня они занимались гимнастикой, стараясь перепоголять друг друга ловкостью и силой, завтра Володя затевал поход на Елагин остров. И они строем шли по городу и звонко пели новые песни. Если день был дождливый, — ребята собирались в кружок и читали вслух. Однажды Юра Дитрих принес новенькую книжку — «Овод» Войнич. На эту книгу пришлось установить очередь. Её читали вслух в клубе, перечитывали дома.

Скоро она стала грулой и грязной, страницы её обтрепались... Но всё равно это была самая любимая книга. Девочки плакали над судьбой Овода. Как хотелось всем быть похожими на него! Сеня даже попросил одного из товарищей затянуть ему руки ремнём туго-туго... Как Оводу... И пролежал так целый час, пока мать, вернувшись с работы, не развязала его. Он так и не сумел объяснить ей, зачем ему это надо. За последнее время мать не узнавала своего буинного Сеньку... Жаловаться на него совсем перестали.

— Ура, ребята! Завтра экскурсия в Шлис-сельбург. Нам дают целый пароход. Завтраки взять с собой, сбор здесь, — весело закричал Юра Дитрих, ворвавшись однажды в клуб.

Это было целое событие!

Девочкам было немного страшновато ступить на сходы, а вдруг они отъедут — и провалились! Но, увидев, что Сережа уже карабкался по трапу к рубке рулевого, они успокоились и осмелели.

Густым басом проревел три раза гудок... Матери замахали руками и косынками, расстроганные и гордые. Вот какой почет их ребятам! Вот она, советская власть!

И ребята поплыли вверх по красавице Неве, мимо дворцов и садов, мимо огромных заводов, под мостами, где так смешно пригибалась, будто кланялась, пароходная труба. Было очень весело. Ребята пели, плясали, шумели.

А в Шлиссельбурге притихали... Серые, сырые камни. Тюремный двор за высокими стенами. Чухлое деревцо, бережно взлелеянное заключёнными во дворе. Полуразрушенные казематы... Страшные, тёмные каменные мешки одиночек. Запрет тебя — и не выйдешь... Посиди-ка тут 20 лет, как Морозов.

Экскурсовод негромко рассказывал об узниках Шлиссельбургской тюрьмы... Он заметно волновался, читая надписи на стенах камер, полные тоски о свободе и такие свежие ещё, недавние...

Оле всё время казалось, что экскурсовод сам сидел в одной из этих одиночек. Оттого, наверное, у него и голос такой грулой и руки дрожат, когда он поправляет пенсне. О народоловцах Морозове и Фигнер он рассказывал так, как будто это были его хорошие знакомые, называя их по имени, отчеству: Николай Александрович, Вера Николаевна. Наверное, вместе с ними сидел... А спросить его об этом было неудобно.

Вдруг он уронил пенсне, неловким движением подхватил его и сказал помолчав:

— В первый раз сюда к нам пришли вы, дети рабочих. А именно вам-то нужное всего увидеть своими глазами эти страшные стены. Вы должны знать, какой ценой оплачена ваша сегодняшняя и завтрашняя свободная жизнь... Вы приехали сюда на специальном пароходе, с оркестром, со своим знаменем, и сами не понимаете, как это... потрясает! Вы, ваше свободное детство — это свершение надежд мучеников Шлиссельбурга. Запомните же всё это!...

Как чудесный весёлый сон, пролетело лето в пионерском лагере, в белом палаточном городке. Ребята жили там без взрослых,

только Володя поехал с ними. И они всё делали сами: ставили палатки, стряпали, ездили в город за продуктами.

Всё было ново, всё в первый раз для ребят фабричной окраины: воздух густой и пахучий, лес, с его белками и птицами, с его грибами и ягодами... дальние походы и игры в лесу... тёплая вода в озере... сон в палатках, когда невольно прислушиваясь к шуму деревьев, крику ночной птицы, а потом засыпашь, успокоенно подумав, что часовой не спит и охраняет тебя. А с утра снова звук горна — и солнце, солнце, солнце!...

Вернулись ребята в город неизвестные. Волным ветром веяло от их загорелых лиц, озорных глаз и широких, свободных движений. Матери смотрели на них с удовольствием, но немножко подозрительно: не распустилась ли их воляница за целое лето без родительского глаза? Но опасения оказались напрасными. Ребята рьяно принялись учиться, а всё свободное время проводили попрежнему в отряде.



На всю жизнь Оля запомнила осенний костёр. Это был замечательный день!

С утра они украшали клуб. Мальчики тащили охапки золотые и красивые кленовые листья, а девочки делали из них гирлянды и развешивали их по свежесбеленным стенам. И так намусорили, что работницы из фабкома, которые пришли под вечер с камиками-то корзинами, только руками всплеснули и всех выгнали...

— Идите по домам, ребятки, отдыхайте, а здесь мы теперь сами справимся.

Собрались вечером ребята и ахнули...

Так чисто и нарядно всё стало. Как всё сияло в золотистом свете, под абажурами из кленовых листьев! На столах, покрытых красивыми скатертями, горы фруктов!

Как зачарованные, смотрели ребята... Сказать по правде, многие из них тогда впервые узнали вкус фруктов.

Раньше Оля и Юра нередко бегали на Большой проспект поглядеть. Там за зеркальными витринами частных магазинов виднелись всякие аппетитные вещи, на которые можно было только смотреть, прилепившись носом к стеклу и глотая голодную слюну. Было завидно, что греха таить! Но всё это происходило давно, ещё до отряда.

Зато теперь, когда, возвращаясь строем из Петроградского райкома партии, отряд проходил по Большому проспекту, ребята особенно чётко отбивали шаг и дерзким вызовом звучала песня:

«Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем...»



Одна из первых пионеров Ленинграда Ольга Павловна Михеева с пионерами 4-го отряда 51-й школы Приморского района. Они вместе идут по Пионерской улице, названной так в честь и старых и современных пионеров.

Теперь они никому не завидовали. Вот идут они, первые пионеры Петрограда, завоеватели нового мира, строители нового счастья для всего человечества. Какая большая гордость в этом!



Идя к себе на работу, на фабрику «Красное знамя», Ольга Павловна Михеева, инструктор ЦК Союза трикотажной промышленности, не раз за эти годы видела, как около пионерской базы на Большой Гребёцкой собираются пионеры. Как они заполняют улицу, устраивая соревнования в беге, как быстро мелькают флажки в руках сигнальщиков!..

И она улыбалась и по старой памяти легко читала сигнал: «Становись на линейку!»

Вот эта светловолосая девочка с короткими косичками похожа на Нюру Волчкову. Нюра в Мурманске, на большой и интересной работе, недавно было от неё письмо. А Сенья стал лихим моряком. Недаром он лучше

всех в отряде умел вязать морские узлы. С законной гордостью Ольга Павловна увидела однажды на углу знакомой улицы новые дощечки, где вместо «Б. Гребёцкая» было написано «Пионерская улица».

А недавно она встретила с новым поколением пионеров.

Уже год назад пионеры 51-й школы Приморского района начали собирать материалы по истории пионерской организации своего района, изучать прошлое Пионерской улицы, где находится их школа. Ребята разыскивали участников первых пионерских отрядов и завели с ними переписку. Особенно много сделал 4-й отряд: Саша Батуев, Вишневский, Дианов, Евлах, Яфаркин и другие. Пионеры вот этого-то отряда и встретились с Ольгой Павловной Михеевой. Они пришли к ней домой, жадно рассматривали сохранившиеся у неё фотографии и засыпали её вопросами. Ольга Павловна с удовольствием смотрела на оживлённые лица мальчиков, охотно отвечала им и в свою очередь расспрашивала ребят об их работе. Мальчики наперебой рассказывали о стенгазете, посвящённой истории первого отряда, об альбоме с записями воспоминаний старых пионеров, о том, как они ставят сейчас «Томы Соiera».

Поздно вечером все вместе они вышли из дома, и Ольга Павловна провела ребят по ярко освещённым улицам, по всем памятным местам первого пионерского отряда и рассказала всё то, о чём здесь написано.



Путешествие вокруг лагеря

Мы — летописцы нашего пионерского лагеря. У нас в дневниках записано всё самое интересное, что происходило в лагере этим летом. Дневники мы храним в своём пионерском походном музее. Там можно увидеть массу других интересных вещей: программы особенно жарких спортивных состязаний, лук самого меткого стрелка — Стасика Ушенина, кусочки светящегося дерева, из которых ребята делали фонарики, макет верёвочного перекидного моста — верного спутника всех походов — и много-много другого. Гордость музея — фото, рисунки и «лесные» дневники нашей лагерной звеньевой «Кругосветки».

Об этом путешествии вокруг лагеря рассказывается подробно в «лесном» дневнике № 2.

Запись первая. Завтра поход.

Вадим Григорьевич, руководитель физкультуры, окончательно договорился с начальником лагеря и старшим вожатым. Два звена 1-го и 2-го отрядов с Вадимом Григорьевичем завтра выступают в поход вокруг лагеря. Берут двух «летописцев» лаге-



Маленькие плотки — «катамараны» — лучший водный транспорт в походе.

ря: меня и Шуру Унанова. Мы поочерёдно будем всё записывать. Сегодня ребята готовятся к двухдневному походу с ночёвкой.

Запись вторая. Нет препятствий.

Вадим Григорьевич объяснил, что мы должны обойти лагерь по радиусу в 3 километра. Что бы ни встречалось по дороге, какие препятствия ни находились бы на пути, — всё надо преодолеть. Мы подозреваем, что Вадиму Григорьевичу дорога хорошо известна. Он говорил о двух загадочных местах, которые должны нам встретиться. Мы вычислили длину нашего пути, зная радиус, при помощи числа «Пи».

Запись третья (из путевых заметок). В дорогу.

Нас провожают прямо с утренней линейки всем лагерем. Мы встали раньше и уже позавтракали. Наш путь по радиусу оказывается на практике не таким уж точным. Обходим пашни. Пришлось обойти торфоразработки. Через речку перешли вброд, ощупывая дно посохами. Потом перенесли и вещи. Опять



Нелегко заметить на дереве замаскированный дорожный знак.

препятствие — озеро. Переправа на «катамаранах», по два человека. Над сооружением плота трудились около часа. По пути играли в «слепоты».

Запись четвёртая. На привале.

Около 12 часов подошли к дальнему лесу. Скорее отдохнуть! Надо лечь на спину, поднять ноги вверх и опереть их о дерево. Все так и сделали. Через десять минут отдых кончился и закипела работа. Повара готовили обед на кострах, геологи пошли открывать залежи полезных ископаемых, шесть сапёров занялись устройством шалаша. Жёня Козаков и Шура Погтев соорудили солнечные часы. Звено девочек вело занятия по связи с Вадимом Григорьевичем. Геологи принесли голубую глину.

Все набрали глины в свои рюкзаки. Вдруг с озера прибежал Костя Зубаренко и закричал, что кто-то утонул. Все побежали к берегу. Вадим Григорьевич сказал, что мы сейчас будем оказывать первую помощь. На берегу лежал Вася Разорёнов в мокрой рубашке и трусах, но без тапочек. Мы сначала испугались, а потом поняли, что Вадим Григорьевич сказал Васе и Косте, чтобы они это нарочно сделали. Вадим Григорьевич смотрел, как мы оказывали помощь — делали искусственное дыхание по способу Сильвестра. А Вася — «утопленник» всё ворчал и говорил: «Да ну, ребята, будет». Потом купались и учились плавать кролем. Этим способом можно быстро плыть.

На солнечных часах тень упала на 17 часов. Выступаем. Место привала так хорошо прибрали, как будто здесь никого не было.

Запись пятая. Второй переход.

Идём по дорожным знакам, которые кто-то ставил раньше нас. Вадим Григорьевич таинственно улыбался, когда мы нашли и расшифровывали письмо, написанное по азбуке Морзе. В письме было указано, как идти дальше. Девочки пошли в обход, а мы влезли на крутой берег оврага, взяв его приступом. Вязтая глина тяжела. Ребята её



Отагасик Ушенин — самый меткий стрелок в лагере.

сложили в одно место, сделали «клад». К этому месту надо будет вернуться и взять глину в лагерь. Вадим Григорьевич неожиданно исчез вместе со звеньевыми Мишей и Олей. Мы не знали, что делать. В это время вдалеке раздались знакомые свистки Вадима Григорьевича. На этот зов нам надо было пробираться через заросли орешника. Все радовались, что попалась такая «съедобная» дорога: собрали порядочно орехов.

Встретили Вадима Григорьевича. Оказывается, наши звеньевые уже отправились разными путями к месту поёвки, оставляя за собой следы из перевязанных мочалой шишек. Каждое звено пошло по следам своего командира. Первым выбралось к месту ночлега звено девочек.

Запись шестая. Большой привал. Ночлег.

Через час — полтора место ночлега нельзя было узнать: выросли два шалаша, весело трещал костёр, над огнём на цепочке кипятился чай, на козлах, устроенных из посохов, были оборудованы вешалки для снаряжения и одежды, из пахучих еловых веток в шалашах готовились походные койки. Вечерняя беседа у костра была посвящена историям о знаменитых путешественниках.

Ночь в лесу интереснее всего. Немного страшно дежурить по часу у костра, конца, кроме двух караульных, все спят. Особенно, когда кричит какая-то птица.

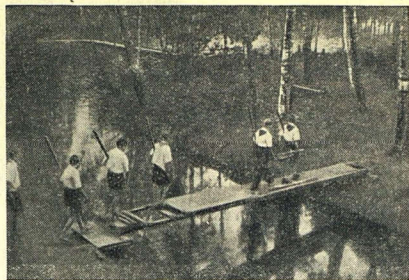
Звеньевые говорят, что ночью может быть нападение на наш бивуак. На дежурстве зевать нельзя.

Запись седьмая. День в поле, в лесу и на речке.

Учились бесшумно плавать. Наши повара приготовили роскошный обед. Было жарено на вертеле мясо и компот. В час отдыха провели соревнование по распознаванию следов лесных зверьков. Девочки собирали гербарии. Каждому звену выдали по карте и компасу. Идём к лагерю. Надо подойти к лагерной беседе невидимками. На пути



О посохом в руках нестрашно перейти реку вброд.



А если река глубокая, выручит перекидной мост.

могут встретиться высланные из лагеря разведчики. Нельзя, чтобы они предупредили лагерь о нашем возвращении.

Запись восьмая. Снова в лагере.

Когда мы подошли к беседе, все ребята смотрели кино. Задача подойти невидимками к лагерю облегчилась. Нас встречали начальник лагеря и старший вожатый. «Поход проведён отлично, все здоровы, настроение у ребят бодрое», — рапортовал Вадим Григорьевич. За два дня мы прошли около двадцати километров.

*«Летописцы» пионерского лагеря завода № 30
Витя Куликов и Шура Унанов.*



Мои наблюдения за муравьями

Недавно я шёл по лесу и увидел, как по траве ползут красные муравьи и каждый несёт муравьиную куколку. Это меня заинтересовало. Я вырвал у одного муравья куколку, раздавил её. Оказалось, это личинка чёрного муравья. Я раздавил ещё несколько куколок, в них тоже оказались личинки чёрного муравья.

Тогда я пошёл по лесу и увидел муравьёв туда, откуда они ползли. Цепочка привела меня к муравейнику. В нём шла борьба. Красные муравьи дрались с чёрными, заползали в муравейник, выносили оттуда

да куколки чёрных муравьёв и ползли с ними к своему муравейнику. Красные муравьи очень хорошо помнили свою дорогу. Я положил на их пути листок газеты. Первый муравей встревожился и стал бегать вокруг газеты, потом взобрался на неё и пополз по газете, а за ним поползли все муравьи.

Вскоре показался их муравейник. Муравьи унесли туда всех куколок и занялись своей работой.

На другой день я опять пришёл к муравейнику и увидел, что муравьи перетаскивают куколок из одного отделения в другое. Было жарко, и куколок уносили глубоко в муравейник, где прохладнее. Меня очень удивило, что муравьи так заботятся о чужих куколках.

Ещё я заметил, что муравьи часто ловят тлей и затаскивают к себе в муравейник. Я спросил об этом учительницу биологии. Она ответила, что красные муравьи таскают куколки у чёрных муравьёв, а когда из куколок вылупливаются чёрные муравьи, то они становятся рабами красных муравьёв и даже не знают, что работают в чужом муравейнике. А тлей муравьи затаскивают потому, что тли выделяют сладость, когда их щекочут.

Скоро начнётся новый учебный год. Я уже приготовил школе свой подарок — коллекцию гранита и дневник наблюдений за муравьями.

Гена Трошин

Татария.

На колхозных полях

Ранней весной этого года пионеры второй Киреевской средней школы начали большое полезное дело. Они послали своих представителей к председателю колхоза «Ударник», и те сказали ему:

— Мы и раньше вам помогали в горячую пору. Но в прошлые годы помогали нерегулярно, аврами, от случая к случаю. Теперь хотим работать серьезнее. Дайте нам своё поле, свой огород, за которыми мы сами будем ухаживать с весны до осени и на которых мы постараемся вырастить высокий урожай.

Вскоре ученики приняли шефство над полем озимой ржи площадью в 10 гектаров и получили в своё распоряжение гектар земли для посева на нём свёклы и помидоров.

Чтобы урожай на подшефном поле получился высоким, ребята произвели весеннюю подкормку ржи. Для этого они перетащили на свой участок и рассыпали по нему около двух тысяч пудов удобрений. Сами проробоповали все десять гектаров, сами тщательно пропололи рожь, посадили на огороде и выращивают по всем правилам агротехники полгектара свёклы и полгектара помидоров.

Прошло время массовых полевых работ. Но каждый день вы могли бы встретить в поле двух—трёх учеников, внимательно осматривающих посевы. Это дозорные «поста полевой службы». Так называли ребята сводный пионерский отряд, организованный ими на время каникул. Дозорные следят, не появились ли где сорняки или вредители. В случае обнаружения «врага» они докладывают об этом своему командиру — председателю совета дружины Юре Денисову, а тот, в зависимости от размера опасности, собирает по цепочке одно звено или несколько и принимает с ними соответствующие меры.

О том, каких успехов добились наши ребята, вы можете судить по этим двум снимкам. Оба они сделаны в начале июня, в один и тот же день, в один и тот же час. На обоих вы видите Марусю Клепикову, пионерку второй школы. Но на первом снимке мы сфотографировали её среди ржи, выращенной без весенней подкормки, а второй снимок сделан на участке, где подкормка была проведена.

По примеру пионеров Киреевской школы пионеры всего Дедиловского района, Тульской области, берут под своё покровительство колхозные папши и огороды.

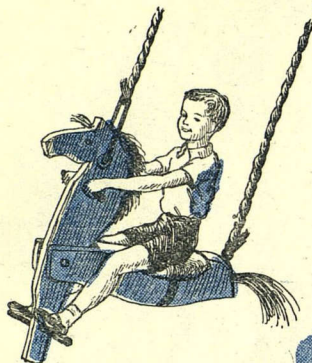


ЛАГЕРНЫЕ ЗАБАВЫ

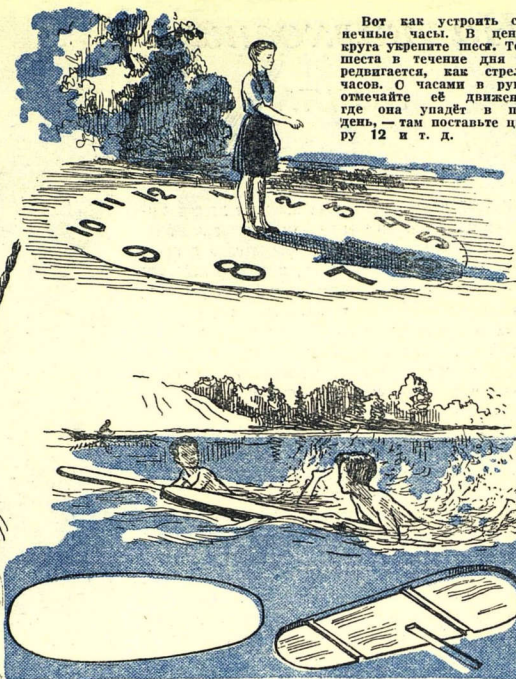
Л. Самсонов

Рисунки Л. Тараканова

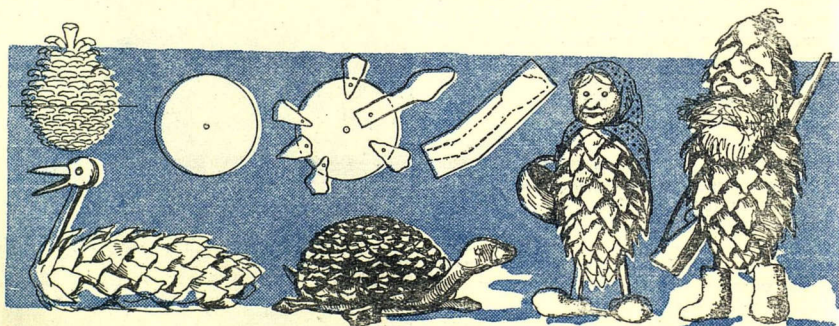
Вот как устроить солнечные часы. В центре круга укрепите шест. Тень шеста в течение дня передвигается, как стрелка часов. О часами в руках отмечайте её движение: где она упадёт в полдень, — там поставьте цифру 12 и т. д.



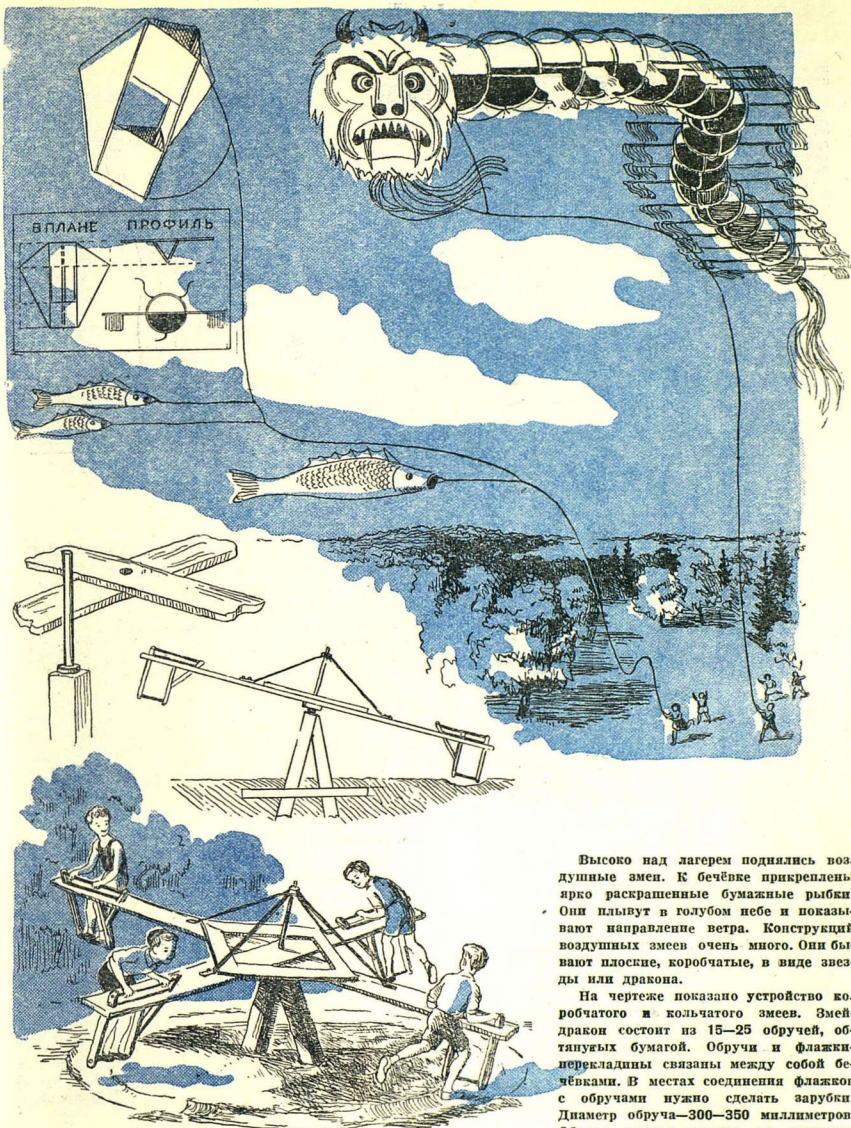
Конь лихой — всадник удалой. Далеко на таком коне не ускочишь, а кататься весело. Сделай-те в лагере качели-лошадку для младших ребят.



Легко плавать на доске-дельфине. Быстро отталкиваясь ногами, пловец, как винтовой пароход, несётся быстро вперёд. Для того чтобы держаться, сделайте ручки: в пазы, сделанные в доске, вставьте палочки.



Эти игрушки растут на дереве, нужны только выдумка и терпение, чтобы при помощи клея и ножица простые сосновые и еловые шишки превратить в лебедя, черепаху или в смешных лесных человечков.



Весёлую карусель тоже нетрудно сделать самим. Это не простая карусель, а карусель-качалка. То вверх, то вниз поднимаются её крылья, и ты, кружась, качаешься, как на волнах.

Высоко над лагерем поднялись воздушные змеи. К бечёвке прикреплены ярко раскрашенные бумажные рыбки. Они плывут в голубом небе и показывают направление ветра. Конструкций воздушных змеев очень много. Они бывают плоские, коробчатые, в виде звезды или дракона.

На чертеже показано устройство колыбельного змея. Змей-дракон состоит из 15—25 обручей, обтянутых бумагой. Обручи и флажки-перекладки связаны между собой бечёвками. В местах соединения флажков с обручами нужно сделать зарубки. Диаметр обруча—300—350 миллиметров. Обручи можно сделать из прутьев или из гнутой дражки, предварительно распаренной в горячей воде. Когда змей готов, раскройте его поярче.

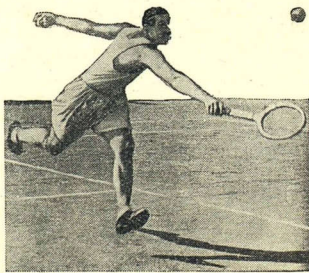
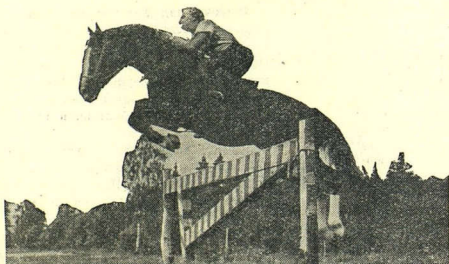
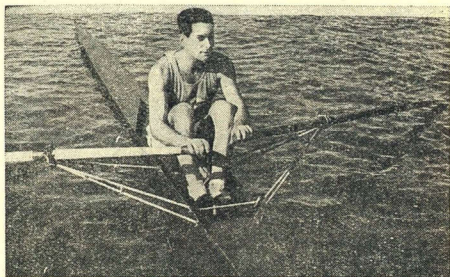
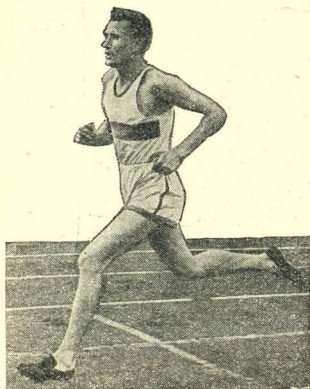
Ответьте

Какой гимнаст изображён здесь и какое упражнение он выполняет?

Рядом с ним самый сильный человек в мире. Кто он и какую тяжесть он выжал? (Атлет сфотографирован в мае этого года, когда он установил новый мировой рекорд.)

На какую дистанцию бежит этот известный в нашей стране бегун? Когда его сфотографировали: в начале бега или у финиша?

Как зовут этого гребца и каким видом гребли он занимается? К чему готовился спортсмен?



На лошади вы видите смелую спортсменку, завоевавшую в 1945 году первенство СССР. Назовите её. Какой момент гонок зафиксировал фотограф?

На последнем фото изображён интересный момент розыгрыша первенства СССР по теннису. Кто этот мастер спорта? Как, по-вашему, готовится он принять мяч или уже отбил его?



ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

В глухом дремучем лесу старый лось выходит на опушку поляны. Он видит какие-то чудовища, брошенные в сугробы. Лось не знает, что это мёртвые танки. У танков мёртвые люди. С высоко-

кого неба до зверя долетает неясный звук, похожий на жужжание майских жуков. Лось смотрит, как кружатся в небе серебряные жуки, видит, как один отделился, не складывая крыльев, оставляя за собой большой пышный хвост, понёсся прямо к поляне. Что-то громадное, более страшное, чем внезапный порыв осенней бури, ударило по вершинам сосен и бракнулось о землю так, что весь лес загудел. А потом воцарилась тишина, и эту тишину нарушил только слабый стон раненого.

Так начинается «Повесть о настоящем человеке» Бориса Николаевича Полевого.

Лётчик Алексей Мересьев, расстрелявшийся в воздушной схватке боеприпасы, вырвался из кольца окруживших его немцев и на подбитой машине упал в лесную чащу — в царство лосей, медведей, лисиц. Он одинок и беспомощен в этом лесу: разбиты обе ступни, страшная боль не позволяет сделать ни шагу. Но он настоящий человек, в нём огромный запас воли, мужества. Он идёт к своим. Он ведёт и разбился оттого, что не хотел, трусливо сберегая жизнь, попасть в плен.

Он идёт, хотя через каждые две—три сотни шагов теряет сознание от боли. Когда он уже не в силах идти, — ползёт, упираясь в землю руками, локтями. Когда не может ползти, — катится, переваливаясь с живота на бок, с бока на спину. Лётчика находят и спасают советские люди, настоящие люди — колхозники, ушедшие в лес, чтобы не покориться немцу.

Они выхаживают его, пока за ним не прилетает самолёт, чтобы увезти в госпиталь.

Мересьев жив. Но он лишился обеих ног.

Лётчик без ног — это птица без крыльев. Но птица должна летать. Мересьев не может, не хочет перестать быть лётчиком.

Алексей Мересьев — настоящий человек. Он решил во что бы то ни стало вернуться в авиацию.

Его возвращение к жизни было подвигом. И вот он совершает новый: с огромной настойчивостью он стремится к своей цели и достигает её.

...Быстрокрылые «ласточины» прикрывают наши танки, идущие в наступление на Курской дуге. На одном из самолётов Алексей Мересьев. Он бьёт врагов, сильных и опасных противников из знаменитой у немцев дивизии «Рихтгофен». Он смело идёт на выручку товарищам.

Птица обреза крылья!

Своим возвращением на аэродром после боя Алексей Мересьев словно повторяет свой подвиг в лесу. В тот раз он дополз к своим без ног, в этот — долетел без мотора на смертельно раненой, искалеченной машине.

Когда начинаешь рассказывать про Алексея Мересьева, трудно остановиться. Хочется пересказать всю книгу, потому что всё в ней интересно и всё важно. Но лучше пусть каждый из вас прочтёт её.

«Повесть о настоящем человеке» можно было бы назвать «Повестью о настоящих людях», потому что в ней живут и действуют настоящие советские люди, сильные духом, умеющие любить Родину и ненавидеть её врагов, быть верными в дружбе, самоотверженными и скромными в выполнении долга.

Герой этой книги существует на самом деле. Это Герой Советского Союза Алексей Петрович Мересьев. Как-то раз при встрече с читателями он сказал: «Вернувшись в авиацию, я летал до конца войны и сейчас летаю. И буду летать. Буду летать до тех пор, пока у меня глаза видят и штурвал мои руки держат, как Валерий Павлович Чкалов говорил.

А подвиг, который я совершил, как говорят, я отношу за счёт наших советских людей, которые мне в этом помогли. Человек я не какой-то особенный, а самый простой, такой же, как и все».

И он с большой теплотой и нежностью рассказывал о верных друзьях в полку: деде Михайле, знаменитом хирурге, о «метеорологическом сержанте» и о комиссаре Воробьёве. Все они настоящие люди.

«Повесть о настоящем человеке» получила высшую оценку: автору её Борису Николаевичу Полевому присуждена Сталинская премия.

Е. Рубцова

Новые книги



Повесть Д. Нагишкина называется «Тихая бухта». Но совсем не тихо проходит жизнь двух друзей, о которых рассказывается в этой книге. Мальчики Димка и Шурка, отцы которых работают у бухты Тихой на Дальнем Востоке, участники самых разнообразных событий.

Здесь, в тайге, они проходят суровую жизненную школу. Бок о бок с ними — враги, японцы. Японцы поджигают лес, убивают шурина отца, мальчикам самим грозит опасность. Но из всех испытаний они выходят более закалёнными и возмужавшими.

«Тихая бухта» не только рисует судьбы героев, эта повесть даёт представление о дальневосточной природе, о тайге и её обитателях.

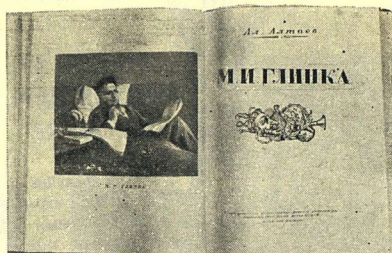
Д. Нагишкин рассказывает о сравнительно недавнем прошлом. Писатель Василий Ряховский переносит нас в седую старину, в Рязань времён Батыева нашествия. Славный русский воин Евпатий поднял «Мёртвую Рязань», раздул искру гнева в сердцах лучших её людей и повёл их против Батия. Тот, кто хочет ещё раз почувствовать боевой, неукротимый дух русского народа и испытать гордость за нашу Родину, с удовольствием прочтёт историческую повесть Ряховского «Евпатий Коловрат».



«Записки о Пушкине» И. И. Пущина и повесть

Ал. Алтаева «М. И. Глинка», при всей несхожести этих книг, имеют нечто общее: обе они, разными средствами, воссоздают живые образы тех, кем гордится русское искусство.

Тому, кто видел фильм «Глинка», по-особому интересно будет прочесть книгу о великом русском композиторе. В ней он встретится со старыми зна-



комьями, обрисованными более подробно и обстоятельно, чем это позволяет кино. Из книги Алтаева, написанной просто и живо, читатель почерпнёт много полезных сведений о том, кто ещё в детстве говорил про себя: «Музыка — душа моя».

«Мой первый друг, мой друг бесценный», «Товарищ милый, друг прямой», — так называл Пушкин Ивана Пущина. В юности, в лице, расудительный Пущин не раз укрощал необузданные порывы своего гениального друга. Горячая любовь и взаимное уважение всю жизнь связывали обоих — поэта и декабриста, — любовью и нежностью дышит каждая строчка непринуждённых и непритязательных «Записок» Пущина. Нельзя без волнения читать о том дне, когда Пущин посетил ошалевшего поэта в селе Михайловском.

«Записки о Пушкине» — книга не только о великом поэте, но и великой дружбе.

Ю. Новикова.



Образ Дон-Кихота, о котором говорится в стихотворении С. Маршак, должно быть, знаком большинству из вас. Многие читали о забавных и вместе с тем трогательных приключениях «рыцаря печального образа», разъяженного по миру на тощем Росинанте, в сопровождении верного оруженосца Санчо-Панса. Многие из вас, вероятно, гордо полюбили бедного, но отважного рыцаря. Ведь Дон-Кихот на самом деле храбр. Что из того, что он сражается с ветряными мельницами? В его воображении — они настоящие великаны.

Этот образ смешного, но благородного мечтателя создан гениальным испанским писателем Мигелем Сервантесом де Саведра, родившимся 400 лет назад, в 1547 году. Сервантес прожил трудную жизнь, испытал тяжесть пужды, войны, жестокого алжирского плена... Роман «Дон-Кихот» начат в тюрьме, куда Сервантес попал за то, что поручился за друга. Создатель гениального романа узнал все тёмные стороны жизни, но это не ожесточило его пылкого сердца. Об этом свидетельствуют страницы «Дон-Кихота». «Приключения гidalго Дон-Кихота из Ламанча» — не только яркая картина быта и нравов Испании XVI—XVII веков, но книга высокой, чистой, бессмертной мечты.

Д О Н - К И Х О Т

С. Маршак

Рис. В. Цельмера

Пора в постель. Но спать нам неохота.
Как хорошо читать по вечерам!
Мы в первый раз открыли «Дон-Кихота»,
Блуждаем по долинам и горам.

Нас ветер обдаёт горячей пылью.
Мы слышим, как со скрипом в вышине
Ворочаются мельничные крылья
Над рыцарем, сидящим на коне.

Что будет дальше, знаем по картинке.
Крылом дырявым мельница махнёт —
И будет сбит в неравном поединке
В него копьё вонзивший Дон-Кихот.

Но вот опять он скачет по дороге.
Кого он встретит? С кем затеет бой?
Последний рыцарь, тощий, длинноногий,
В наш первый путь ведёт нас за собой.

И с этого торжественного мига
Навек мы покидаем отчий дом.
Ведут беседу двое: я и книга, —
И целый мир неведомый кругом.





Олесь Донченко

Перевод Н. Ходза

Эта необычайная история случилась на Украине, в селе Песчаный Брод, где протекает в тростниках тихая речка Камышанка.

До войны я часто приезжал летом в Песчаный Брод ловить сомов.

Больше всего водилось сомов в глубокой яме, около железнодорожного моста. Какие чудные ночи проводил я на этой речке!

С берега доносится аромат липы, камыш тихо-тихо шелестит, а комары гудят, звенят, поют и так больно кусают, что долго потом ходишь опухшим. Что ж, если любишь ловить сомов, то нужно мириться с комарами.

Весной Советская Армия освободила Песчаный Брод от немцев. Мне удалось приехать в село в августе. Около ямы, где отлично ловились сомы, сейчас лежал взорванный нашими партизанами мост вместе с немецким товарным поездом. С берега я видел остатки разбитых вагонов, скрученные металлические балки и куски железа, торчащие из воды.

Однажды, когда я смотрел на эту картину недавних боёв, позади меня послышались шаги. Ко мне подбежал местный паренёк Сапша, мой приятель по охоте. Я частенько брал его с собой ловить сомов. Теперь Сапша вырос, ему пошёл уже четырнадцатый год.

— Что скажешь, Сапша? Поедем на сомов?

Но в глазах мальчика вместо радости я увидел страх.

— Алексей Иванович, — задыхаясь сказал он, — меня отец прислал... он... он забыл вам сказать...

— Что такое? — встревожился я.

— Он забыл вам сказать, чтобы вы... чтобы вы... не ходили к речке.

— Вот-те на! — удивился я. — Это почему же?

И тогда мальчик поведал мне удивительную историю, которая разыгралась месяца два назад на тихой речке Камышанке.

Началось всё с того, что на речке стали ежедневно пропадать гуси. Среди белого дня, на глазах у всех, неизвестное чудовище хватало птиц и тянуло их на дно. За это время исчез не один десяток гусей и уток.

Вначале думали, что в Камышанке появился какой-нибудь огромный сомич. Старый рыбак дед Гурий день и ночь ездил по Камышанке на своей лодке. Он вооружился такими крючками, что на них можно было не только сома удержать, но и вытянуть из колодца ведро с водой. Но хитрый сомич не шёл ни на какую приманку.

Дед всё грозился поймать водяного разбойника, но однажды и он вернулся с речки бледный и перепуганный. У него тряслись руки и ноги, губы дрожали.

Дед Гурий долго не мог вымолвить слова, а придя в себя, сказал:

— Это не сом, слышите, — не сом. Не сом. а чудовище. Видел его близко. Плавал в воде. Страшная жаба, величиной с овцу. А хвост — длинный, как лопата.

Как же было не поверить старому рыбаку, если с того дня он боялся не только сесть в лодку, но даже и близко не подходил к речке. Были, правда, и такие, что не верили. Но недавно чудовище схватило поросёнка, который подошёл к воде, и утянуло его в глубину.

Сомнений не оставалось. В селе все говорили про страшную и огромную хвостатую жабу.

Сказать по правде, эти разговоры меня заинтересовали, хотя я и не очень им верил. Я был уверен, что разбойничает какой-нибудь могучий сомич. Вероятно, многие годы он жил в глубокой яме и реке, а теперь его смертельно напугал

взрыв. Вот он и нашёл себе новое жилище, как раз напротив села.

Но вскоре выяснилось, что я ошибся.

Выпадали тихие недели, когда про чудовище не было ничего слышно, а потом опять вдруг начинались разговоры: то гусак пропал, то кто-то видел страшную жабу голову величиной с огромную тыкву.

Часами сидел я на песке или гулял по берегу, надеясь, что случайно увижу таинственного жителя нашей речонки.

И вот случайно я встретился с чудовищем. Произошло это так.

Был тёплый, солнечный день, и я после обеда спал на сеновале.

Сквозь сон слышу, что кто-то сдёргивает с меня одеяло.

— Алексей Иваныч! Быстрее! Быстрее!

Я раскрыл глаза. Передо мною стоит Саша.

— Алексей Иваныч! Около песчаного брода... Жаба! Сам видел на песке!

Я вскочил.

— Иду я по берегу, — скороговоркой рассказывал Саша, — отгоняю от воды гусей, а она, эта зверина — страшная, огромная, хвост длинный... Идёмте!

И мальчик, не договорив, убежал. За ним и я миготом слетел с сеновала.

Но когда мы добежали до песчаного брода, никакой жабы уже не было.

— Где ж ты её видел? — допытывался я.

Но Саша не хотел идти дальше. Он только указал рукой на то место, где он видел чудовище, и остановился. Мальчик уверял, что жаба грелась на солнце, лёжа на песке, возле самой воды, рядом с перевёрнутой лодкой. Саша увидел всё это издали и сразу же стрелглав бросился бежать на село.

«Хорошо, — подумал я, — если эта тварь и правда лежала там, то должна оставить след на светлом песке».

Я пошёл к перевёрнутой лодке. Сказать правду, меня охватили одновременно и необычайное удивление и сильный страх. То, что я увидел, было удивительно и непонятно: на песке виднелись следы лап, величиной в ладонь, похожие на лапы огромной жабы. Следы вели к воде. На песке я заметил ещё длинную борозду — должно быть, след от хвоста.

Весь день я придумывал, как убить или поймать чудовище.

На другой день я снова пошёл к реке на знакомое место. Лето стояло засушливое, Камышанка очень обмелела, и у берега там и тут виднелись жёлтые песчаные косы. Я сел на перевёрнутую лодку и задумался.

Я смотрел на густой тростник, и мне казалось, что там слышен какой-то шум, точно сквозь него кто-то пробирался. Около моих ног крутился юркий пёсик — сашин любимец Квачик. Я погладил его по спине.

— Ну, Квачик, — сказал я, думая вслух, — вот бы поймай нам эту зубастую жабу! А? Как ты думаешь?

Квачик весело заскулил, завил хвостом и, высунув язык, побежал к речке. Он громко начал лаять воду, и на его морде заблестели капли воды.

И в эту минуту я услышал жалобный писк Квачика. Из воды высунулась отвратительная морда, громко хлопнула челюсти, и пёсик исчез. По воде разбежались широкие круги.

Всё это случилось в несколько секунд. Я вскочил с лодки. Теперь я уже твёрдо знал, что это за чудовище: мне удалось заметить его голову и челюсти. И теперь я знал, что нужно делать.

Посоветовавшись с колхозниками, я начал мастерить сеть. Не простую сеть, а из толстой верёвки. Она была поставлена в воду, около берега, так что образовалась запруда, в которую легко можно было войти, но выйти — невозможно. В запруду пустили несколько уток и гусей.

Как только взошло солнце, я уже бежал к реке. Три дня сеть оставалась пустой. Утром, на четвёртый день, придя с колхозниками на берег, я увидел чёрную длинную спину твари, которая попала в сеть.

Это был крокодил! Не удивляйтесь, — настоящий, огромный крокодил!

Как же он попал в тихую речку Камышанку? Дело в том, что когда партизаны при отступлении немцев взорвали мост, в реку свалился товарный поезд. В поезде немцы увозили в Германию украденных ими в наших зоопарках зверей. В одном из вагонов был крокодил. Вагон при крушении разбился, но крокодил остался невредим. Лето стояло жаркое, вода была тёплая, и, оказавшись в реке, зубастый хищник начал разбойничать.

Я послал телеграмму в Киев, и вскоре чудовище с Песчаного Брода было отправлено в зоологический сад.



ПИОНЕРСКАЯ ПОМОЩЬ КОЛХОЗАМ

Во время уборки хлеба на поле остаются колосья. Один, два колоска на одном квадратном метре, а иной раз и больше. С первого взгляда многим из вас может показаться, что это мелочь. Но возьмите карандаш и подсчитайте, и вы получите солидные цифры.

В гектаре 10 тысяч квадратных метров, — значит, несобранных колосьев на нём будет 10 — 20 тысяч. А в каждом пшеничном колосе 2—3 грамма чистого зерна. Оставляя на каждом квадратном метре поля по два колоска, колхоз может потерять 40, а то и 60 килограммов пшеницы. Предположим, что колхоз засеивает зерновыми 200 гектаров. Сбор колосков сохранит колхозу не менее 70—80 центнеров зерна. Вот какой урон приносят народному хозяйству оставленные в поле колоски!



Пионеры и школьники многих сельских и городских школ помогали и помогают колхозам. В прошлом году колхоз имени Чкалова премировал пионеров Ново-Николаевской школы, Днепропетровской области. Только за один день они собрали 200 килограммов колосков. Из них было намолочено 150 килограммов зерна. Ребята пробыли в колхозе 10 дней и собрали полторы тонны колосьев. В этом году много пионерских дружин уже работает на колхозных полях.

ЦВЕТНОЕ ДЕРЕВО

В стволе дерева есть тысячи тоненьких канальцев. По ним от корней к листьям тянутся соки. В школе делают такой опыт. Веточку ставят в бутылку с водой, а воду подкрашивают чернилами. Через неделю сердцевина ветки окрасится в фиолетовый цвет — растение втянуло краску вместе с водой.

Вот если бы удалось таким образом окрасить целое большое дерево. Какая бы красивая получилась из него мебель!

Попробовали — и получились.

Выбрали дерево и воткнули в него две стальные трубки, а от них провели резиновые шланги к бутылкам с краской. Бутылки подвесили к стволу. Через неделю бутылки оказались пустыми — дерево высосало краску. Потом в бутылки налили бесцветную жидкость — яд. Дерево стало быстро сохнуть и, спустя несколько дней, стало таким сухим, словно оно год лежало на складе.

Когда стали рубить дерево, полетели красивые щепки. Древесина оказалась красной. Из досок дерева сделали красный стол и красное кресло, как из настоящего красного дерева.

Этот опыт провели советские учёные П. С. Захаров и В. С. Антонович. Они же придумали и жидкость, чтобы сушить дерево на корню.

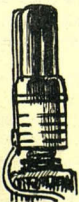
Пока это только опыты. Но нет сомнения, что вскоре на мебельных фабриках начнут делать прекрасную мебель из цветной древесины берёз, сосен, дубов.

НОВАЯ РАДИОЛАМПА

Как досадно бывает, когда перегорит электрическая или радиолампа! Так легко можно было бы исправить повреждение, да не проникнешь внутрь лампы: мешает стеклянный баллон. Ещё сложнее дело с мощными лампами на радиостанциях.

Там есть огромные лампы, мощностью в сто киловатт, — такая мощность достаточна для работы небольшого завода. Лампа эта весит сто килограммов и занимает помещением размером не меньше двух кубических метров. Такие лампы нелегко менять.

Вот почему так важно для радиостанций изобретение советских инженеров — разборная радиолампа. Эта лампа разбирается просто и быстро: на



металлическую подставку опирается несколько металлических и кварцевых колец, которые сверху увенчиваются медным цилиндром — положительным электродом лампы. Металлические кольца служат для соединения с внутренними деталями лампы, а кварцевые, проложенные между металлическими, служат изоляторами. Эти кольца между собой ничем не скреплены, но они так тщательно отшлифованы, что воздух не проникает между ними.

Особые насосы выкачивают воздух из разборной лампы. На разборку лампы, замену испорченных частей новыми и откачку воздуха нужно всего три — четыре часа.

ВИДЕОТЕЛЕФОН

Недавно состоялся пробный разговор между Ленинградом и Москвой по видеотелефону. Собеседники не только хорошо слышали, но и видели друг друга на экране, установленном возле микрофона.

Изображения в новом изобретении советского инженера Захарова передаются благодаря превращению одного вида энергии в другой. Вообразите, что вы находитесь перед видеотелефонным аппаратом, Свет падает на ваше лицо, отражается в особой аппаратуре и превращается в электрические сигналы.

Эти сигналы передаются по проводам или радиоволнам и на месте назначения снова превращаются в световые волны — на маленьком экране появляется ваше светящееся изображение.

Видеотелефонные аппараты непохожи на обычные телефонные: они скорее напоминают радиоприёмники с громкоговорителем, микрофоном и экраном, на котором появляется изображение собеседника. Раньше для телепередачи нужны были громоздкие, необычайно яркие лампы, очень дорогие и неудобные. Теперь советские изобретатели создали чувствительный аппарат, не требующий большого освещения передаваемых изображений. И это изобретение позволило создать советский видеотелефон.



ОЖИВШИЕ СОВРЕМЕННОКИ ИХТИОЗАВРОВ

Учёные, изучавшие каменный уголь, сделали поразительное открытие. Они обнаружили в антраците бактерии, которые ожили и, попав в питательную среду, стали быстро размножаться. Они были как бы замурованы в толще каменного угля и много миллионов лет находились в анабиотическом состоянии. Анабиоз — это оцепенение на грани жизни и смерти, в котором высохшие или замороженные организмы могут пребывать очень долгое время.

Но бактерии, найденные в антраците, пробыв в анабиотическом состоянии неслышанно длительный срок. Антрацит — старейший из каменных углей, он образовался в среднедевонский период — сотни миллионов лет назад. Стало быть, и бактерии пробыв в анабиозе миллионы лет.

Это ожившие современники ихтиозавров, динозавров и прочих первобытных чудовищ. За это время разрушились целые материи, образовались новые океаны, изменился облик земли.

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ОСТРОВА

В 1936 году судно «Хронометр» следовало по морю Лаптевых к острову Васильевскому, чтобы установить на нём новые гидрографические знаки. Но советским морякам не удалось обнаружить этот остров. На его месте возвышалась только трёхметровая отмель. Остров исчез! Ещё раньше в этом же море пропали два острова: остров Диомид и остров Меркурия.

Такая же участь ожидает остров Семёновский. Сто лет назад это был довольно большой остров, достигавший четырнадцати километров в длину и более четырёх в ширину, теперь над водой подымается маленький островок длиной в полтора километра. А существовал этот остров с очень давних времён: на нём найден клык мамонта, животного четвертичного периода.

Что же происходит с этими островами? Климат Арктики заметно теплеет, и эти острова, образовавшиеся на ледяном подножье, тают. Советский учёный Григоров, посетивший остров Семёновский, наблюдал, как огромные глыбы откалывались от острова и обрушивались в море. В воздухе стоял гул, напоминающий артиллерийскую канонаду. Остров разрушался на глазах у наблюдателя. Хорошо, что этот остров необитаем!

Так потепление Арктики приводит к изменению географии Севера.



Познакомьтесь, пожалуйста. Это медвежонок Тапочка. Живёт Тапочка в Московском зоопарке, но вы можете увидеть её не только там. Тапочка часто появляется в пионерских клубах, в детских садах, на площадках. Если захотите, вы сможете пригласить её и в вашу школу. Тапочка принадлежит к числу «выездных животных». Сотрудники Зоопарка выезжают с этими животными на лекции. Тапочка очень весёлая и совсем ручная. Она вполне благополучно держит себя на улице во время прогулки и добродушно поглядывает на удивлённых прохожих. Гуляет Тапочка часто, — надо ведь приучить её к таким «страшным» вещам, как трамвай, троллейбусы и машины. Вот тут на снимке вы видите, как сотрудница Зоопарка Галя Богданович выводит Тапочку на прогулку. Тапочка любит гулять, но только пешком, а пользоваться трамваем не желает.

СОДЕРЖАНИЕ

У разлива. — Стихи Ю. Яковлева	1 стр.	На колхозных полях	29 стр.
Маринка. — Рассказ Н. Артюховой. Рис. А. Ермолаева	2 "	Лагерные забавы. — Л. Самсонов. Рис. Тараканова	30 "
Златовласка. — Чешская сказка. Пересказала К. Паустовский. Рис. Ю. Кискачи	9 "	Ответьте	32 "
Обходчица. — Стихи С. Маршака. Рис. В. Константинова	14 "	В мире книг	33 "
Русское солнце. — Вл. Орлов. Рис. Ф. Лемкуля	15 "	Дон-Кихот. — Стихи С. Маршака. Рис. В. Цельмгера	35 "
Пионерская улица. — Н. Преображенская	21 "	Чудовище Пасчаного Брода. — Олесь Донченко. Перевод с украинского Н. Ходза	36 "
Наша почта	26 "	Отовсюду и обо всём	38 "
		Задачи, загадки, головоломки	III п. обл.
		Пионерское лето. — Стихи В. Лифшица. Рис. Е. Косыковой	IV "

На обложке: рисунок Я. Титова „Соревнование в лагере“.

Редколлегия: Атаров Н. С., Воронков К. В., Ершов Г. А., Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В.

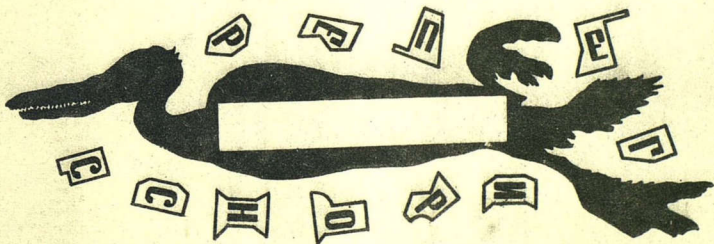
Подписано к печати 15/VII—47 г. Изд. № 511. 82×110. 1/4 бум. листы.
А—06525. 76 999 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л. Тираж 58 000. Заказ 1753.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

1



A detailed black and white illustration of two birds, possibly geese or swans, standing on a patch of ground. The bird on the left is shown in profile, facing right, with its head turned slightly towards the other bird. It has a long neck and a large, rounded body. The bird on the right is also shown in profile, facing left, and appears to be looking at the first bird. It has a similar build but with more detailed feathering visible on its wings and back. The ground they are standing on is depicted with simple lines and shading, suggesting a grassy or muddy area. The overall style is that of a classic woodcut or engraving.



Составь буквы-кусочки таким образом, чтобы они, прилегая друг к другу, заполнили всё пространство белого прямоугольника, и прочитай получившийся текст — название изображённого на нашем рисунке животного.

Пионерское лето

Стихи Владимира Лифшица

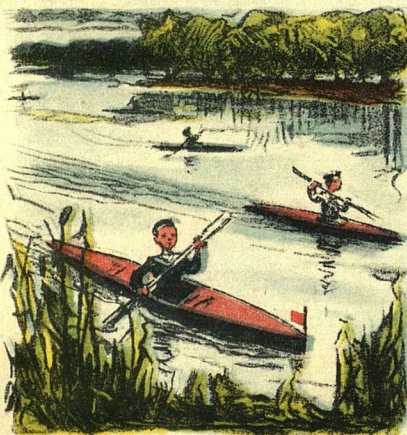
Рисунки Е. Косяковой



Едва лишь солнышко взойдёт,
Трубит подъём труба нам,
И мы из лагеря в поход
Выходим с барабаном!



Придёт пора, когда шинель
И мы с тобой наденем.
Стреляй, товарищ, прямо в цель!
Огонь по всем мишеням!..



Дробясь под взмахами весла,
Волна сверкает ярко,
И по теченью, как стрела,
Летит моя байдарка.



Костёр собрал нас в тесный круг,
Когда в полях стемнело,
И нам рассказывает друг
О лётчике Гастелло.